

Всемирный день философии

World philosophy day

17 ноября 2022 года кафедра философии Нижегородской академии МВД России при поддержке Нижегородского отделения Российского философского общества организовала и провела межвузовский круглый стол, посвященный Всемирному дню философии.

В работе круглого стола приняли участие ученые из Нижнего Новгорода, Москвы, Волгограда, Иркутска, представители духовенства, учащиеся Нижегородской академии МВД России.

Научные мероприятия, посвященные Всемирному дню философии являются традиционными для Нижегородской академии. В этом году общей для обсуждения стала тема «Правовая идеология и юридическое образование в эпоху перемен: к 95-летию Нижегородской академии МВД России».

On November 17, 2022, the Department of Philosophy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, with the support of the Nizhny Novgorod Branch of the Russian Philosophical Society, organized and held an interuniversity round table dedicated to the World Philosophy Day.

The round table was attended by scientists from Nizhny Novgorod, Moscow, Volgograd, Irkutsk, representatives of the clergy, students of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific events dedicated to the World Philosophy Day are traditional for the Nizhny Novgorod Academy. This year, the general topic for discussion was “Legal ideology and legal education in the era of change: to the 95th anniversary of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia”.

Дахин Андрей Васильевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Россия как демократическое государство: философия, идеология, Конституция

Пункт 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации определяет Россию как демократическое государство. Конституционный статус понятия «демократия» предполагает, что существует общепринятое понимание его содержания. Наличие общепринятого содержания является принципиально важным условием правильной работы конституционной нормы: общепринятое содержание обеспечивает однотипное, более-менее одинаковое поведение граждан в соответствующей сфере общественных отношений. И наоборот, разночтения, разноречивость в понимании одних и тех же правовых норм будет вести к разномастному, к неупорядоченному поведению граждан. В этом плане «демократия» как конституционное понятие должно бы опираться на некий уверенный держательный социальный консенсус, обеспечивающий одинаковое понимание его смыслов всеми гражданами России.

Анализ публичных и профессиональных научных обсуждений, завязанных на понятие «демократия», приводит к заключению, что общероссийского консенсуса по этому конституционному понятию нет. Нетрудно показать, что есть демократия стран Запада, которая на протяжении 1985—2014 годов чаще всего воспринималась в России в качестве эталонного образца, и есть все остальные страны мира, в том числе Россия, которые всегда рассматриваются как недо-демократии¹. Попытка ряда отечественных ученых и общественных деятелей поставить на одну концептуальную доску, сущностно уравнивая «зрелые демократии» (Запада) и «молодые демократии» остального мира, включая Россию², оказалась безрезультатной: с 2014 года коллективный Запад строит свою работу с Россией не по лекалам «свой — свой», а по лекалам «свой — чужой», где «свой» — это заведомо

¹ Hale H. E. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and the Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. № 58 (1). Pp. 133—165; Eke S. M. and Kuzio T. Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus // Europe-Asia Studies. 2000. № 52 (3). Pp. 523—547.

² Демократия в зеркале России / ред.-сост. А. М. Мигранян, А. Пшевровский. Москва, 2013. С. 25.

«демократия» (политический режим Украины), а «чужие» (Россия) — это патологически «авторитарные режимы». Эта публичная эпистема Запада имеет свою проекцию и на массовое сознание граждан в России, генерируется средствами «мягкой силы» глобального западного альянса стран. К этому добавляется своеобразное «броуновское движение» разных идей и их отголосков в головах жителей России, которое является прямым следствием исключения практик массового мировоззренческого воспитания в российской государственной системе социализации граждан. Существование научных проблем, которые выявляются в описанной ситуации, связано, с одной стороны, с выходом за границы западо-центристской парадигмы представлений о «демократии» и, с другой стороны, с вопросами мировоззренческого воспитания в российской государственной системе социализации. Первая проблема ведет к переосмыслению оснований, движущих сил развития политического тела общества, рассматривается в отдельных публикациях¹, в свете которых требуется более глубокое понимание специфики демократии как доминирующей связи сообществ граждан с институтами государства. Вторая проблема, которая чаще всего обсуждается в терминах «идеологического воспитания», фокусирует внимание на социальном значимых качествах сообществ граждан, живущих в «своем» государстве. В обоих случаях привычная абстрактная схема «гражданин и государство» предполагает раскрытие ее в версии «человек и его государство», если рассматривать ее в регистре социальной и политической философии или в версии «гражданин и его государство», если ее рассматривать в политологическом регистре, где на первый план теории демократии выходит проблематика роли государства в идеологическом воспитании своих граждан.

Представление о демократии как власти народа отражается в Конституции России, прежде всего в том плане, что многонациональный народ Российской Федерации является «источником суверенитета и единственным источником власти» (п. 1 ст. 3). Как видно, здесь констатируется, что «народ» один и он «многонациональный», но в другой статье Конституции Российской Федерации читаем: «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» (ст. 69)². Здесь констатируется, что народов в России много, и то, что есть еще и «этнические общности». В конечном счете, определяя население России в его социально-политической миссии, Конституция использует понятия «многонациональный народ», «все народы», «этнические общности». Текст Конституции определения этих понятий не дает, упоывая на «общепризнанные принципы»³. Проблема, однако, в том, что в современном мире научного плюрализма все ранее «общепринятые» принципы и понятия растворяются в многочисленных интерпретациях, превращаются в «пустые означающие»⁴. Мы имеем дело с конституционной неопределенностью. Что из этого может получиться, показал, в частности, В. В. Путин в своем обращении к гражданам 21 февраля 2022 года — как строчка Конституции СССР о праве наций на самоопределение «вплоть до отделения», сработавшая в структуре ленинской агитационной риторики при создании СССР и оставленная по инерции в качестве «идеологической» нормы, в период перестройки была использована националистическими политиками ряда республик СССР в качестве правовой нормы. Это стало одной из причин распада Страны Советов⁵. Таким образом, неопределенность конституционных понятий может стать источником потенциальной уязвимости для конституционного строя страны, поэтому в терминах «нация», «народ», «этническая общность» необходимо достичь концептуальной ясности, чтобы затем можно было достичь и общепринятого в России понимания, связанного с ними конституционного понятия «демократия».

Теоретическая проблема связана с вопросом: что такое государствообразующее сообщество и какого рода сообщество является государствообразующим для современной России: «этниче-

¹ Дахин А. В. Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций // Политическая концептология. 2022. № 2 (апрель—июнь). С. 14—31.

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11.

³ Конституция Российской Федерации. Москва, 1993. С. 3.

⁴ Дахин А. В. Россия как многонациональный народ: конституционная норма, философия и идентичность в информационном обществе // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 210—217.

⁵ Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации. 21 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67828> (дата обращения: 15.10.2022).

ская общность», «нация», «народ» или что-то иное? Термин «государствообразующий» введено в Конституцию Российской Федерации с поправками 2020 года и используется в словосочетании «государствообразующий народ»: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ст. 68)¹. В научной литературе к этому вопросу подошли многие исследователи. Так, В. А. Тишков, говоря о консолидированности и лояльности граждан своему государству, утверждает, что эти проявления солидарности населения в своем государстве определяются как «нация» или как «ненация»: его политически значимая типология делит государства на «государства-нации» и государства-ненации². Уникальность СССР В. А. Тишков видит в том, что Союз конституировал «многонациональность» своего государства, беспрецедентно устранил национальную общность и национальность из числа общегосударственных принципов обеспечения социального и политического порядка. «Действительно, — пишет Тишков, — теоретики и политики СССР обменяли слово «нация» на кажущееся всему миру несуразным понятие «советский народ», но этот вполне легитимный новояз выполнял ту же самую функцию, что и слово нация в других странах мира»³. Поэтому СССР в его классификации является «ненациональным государством». Выражение «ненациональное государство» — это скорее поисковая метафора, которая отражает уверенность в том, что в случае с СССР приходится иметь дело НЕ с «нацией», а с какой-то другой реальностью, выполнявшей ту же функцию, что и «нация», и называвшейся новым именем «советский народ». Что же такое «ненация»?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо уточнить, что существует несколько достаточно известных форм бытия и существования государствообразующего сообщества, а также имеется существенная взаимосвязь между формой государствообразующего сообщества и системой государственного устройства. К наиболее изученным историческими формам государствообразующего сообщества относятся «этнос» и «нация». Если в качестве государствообразующего сообщества выступает этнос, то система государственного устройства будет этнократической (этнократическое государство). Если в качестве государствообразующего сообщества выступает нация, то мы будем наблюдать государственное устройство, характерное для национального государства. В этой логике утверждение В. А. Тишкова о том, что СССР — это «ненациональное государство», выводит на вопрос о специфике государствообразующей общности Страны Советов.

Обращение к работам главного теоретика и первого политического лидера СССР В. И. Ленина позволяет видеть фундаментальное утверждение о том, что специфика государственного устройства советского государства базировалось на теории пролетарского государства. Это значит, что на уровне теории и на уровне политической практики взамен «нации» на место государствообразующего сообщества ставится «класс» (пролетариат). Действительно, в СССР на разных этапах истории государствообразующее сообщество именовалось «класс рабочих и крестьян», «трудящиеся», «советский народ». Все три термина указывают на реальность, которая действительно «ненация»: это формы бытия и существования иной системы консолидации государствообразующего сообщества — **коренного гражданского общества**. Таким образом, разгадкой шарады про «ненацию» у В. А. Тишкова является понимание того, что государствообразующим сообществом может быть гражданское общество, а государственное устройство в этом случае обретает особенности, характерные для **гражданского государства** («государство-ненация» по В. А. Тишкову). Линейка исторических (идеальных) типов, включающая «этнократическое государство» и «национальное государство», должна быть дополнена типом **«гражданского государства»**, особенность которого состоит в том, что его государствообразующим сообществом выступает **гражданское общество**. Содержательные аспекты взаимосвязи реальных и понятий «гражданское общество» — «гражданское государство» могут быть выявлены, в частности, при сравнительном анализе особенностей США и России. Особенность США в том, что их государствообразующее сообщество — это переселенцы (гражданское общество переселенцев), отстранившее от публичной политики коренное население (индейские племена). Особенность России в том, что

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11.

² Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 19.

³ Там же.

наше государствообразующее сообщество — это коренное гражданское общество, в которое интегрировано все многонациональное коренное население России. Эти различия предопределяют и специфику государственной организации публичной власти: в России — это система **традиционного гражданского государства** (государство, ориентированное на сохранение традиций как источника сохранения социального порядка), в США — это система **манипулятивного гражданского государства** (государство, ориентированное на отмену традиций из числа источников поддержания социального порядка). Эта разница предопределяет также и различия в режимах работы демократических институтов обеих стран. Вывод, который может быть обоснован и более глубоко, сводится к тому, что в число общепринятых в России, наряду с понятиями «демократия» и «государствообразующее сообщество», должно войти также и понятие «коренное гражданское общество». Значение последнего в том, что оно задает фундаментальную специфику в коллективном понимании и восприятии российского государствообразующего сообщества и российской государственности в XXI веке.

Еще одна принципиально важная сторона, уточняющая смыслы абстрактного «гражданское общество», связана с социально-политическими реалиями, на которые указывает понятие «интерместная политика» (*intermestic policy*) Понятие определяет принципы соотношения влияния внешних для государства центров политического воздействия и внутригосударственных центров политики на политические процессы в любой стране. Анализ этого понятия из глоссария «международной науки» приводит к выводу о необходимости переосмысления этого понятия в контексте отношения к государственному суверенитету государств как к одной из высших политических ценностей¹. Конкретным следствием такого переосмысления является вывод о том, что фактор «интерместной политики» по-новому структурирует гражданское общество. Основное влияние сводится к тому, что внешние центры политического влияния Запада, принимающие, как правило, форму «мягкой силы», нацелены на создание на территории государства-мишени сообществ граждан, враждебно относящихся к собственному государству и симпатизирующих иностранным государствам Запада. Особенность ситуации в том, что в поле этой активности действуют граждане России, даже из числа коренного населения. В результате действия «мягкой силы» Запада на территории формируется структура гражданской солидарности, в основе которой лежит неприязнь, непримиримое отношение к российской государственности, готовность к акциям в духе гибридной гражданской войны (незаконные акции протеста, провокация физических столкновений с полицией и пр.). Таким образом, на территории страны усилиями «мягкой силы» выращивается особый кластер гражданского общества, который точнее всего определить понятием «ино-гражданское общество».

Обобщая сказанное, можно заключить, что продаваемое западной наукой по всему миру пустое означающее «гражданское общество», если его переосмыслить применительно к фундаментальным реалиям природы политического тела современного общества, обретает вполне определенное содержание, отражающее высокую политическую ценность государственного суверенитета и государственной идентичности граждан. Актуализированные философские представления о демократии позволяют обосновать принципиальную важность связи оснований демократического устройства суверенной России с определенностью, устойчивостью, активностью коренного гражданского общества, а также с его способностью противостоять активности ино-гражданского общества на территории страны. Эта смысловая ясность необходима также и для содержательного наполнения *общепринятого в России* конституционного понятия «демократическое государство». Кроме того, есть повод для обсуждения вопроса о целесообразности включения термина «коренное гражданское общество» в число конституционных понятий России.

Теоретические вопросы формирования общепринятых в России смыслов конституционных понятий напрямую зависят от дискуссии о государственной идеологии, где, с одной стороны, формулируется аргументация «за» с той точки зрения, что суверенной России нужна собственная общегосударственная система идей, отражающих отечественные представления о ценностях. С другой стороны, аргументируется позиция «против», исходящая от той точки зрения, что согласно Конституции Российской Федерации в нашем обществе «признается идеологическое разнообразие», и «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»

¹ Дахин А., Авдонин В. Отечественная политическая регионалистика и регионоведение: транзит представлений о региональном политическом процессе в свете вопросов международных связей региона и муниципальной политики // Власть. 2021. № 6. С. 151—163.

(п. 1, 2 ст. 13). Чтобы разобраться в этой дилемме, Конституцию Российской Федерации необходимо воспринять не только в качестве юридического документа прямого действия, но и в качестве свода идейных приоритетов нашего государства. В этом плане Конституция отвечает на вопрос «в чем состоит идея России»? Идейная миссия Конституции состоит в том, чтобы ключевым идейно значимым смыслом, на которых строится практическая политика, «наши звонкие дать имена», — дать созвучное с нашим пониманием жизни смысловое раскрытие. Примером служит конституционная поправка о браке, принятая в 2020 году.

Нетрудно еще более подробно показать идейную миссию Конституции в целом: утверждая идейные приоритеты государства, Конституция определяет вполне определенные государствообразующие идеологические установки: на многонациональность, на социальное государство и пр. В свете этого подхода упомянутые выше пункты 1, 2 статьи 13 выглядят как противоречие идейной миссии Конституции. Проблема видится в том, что данная статья находится в противоречии с идейно-социальной миссией Конституции. Решение видится в том, чтобы, с одной стороны, постепенно уточнять общепринятые для России смыслы ключевых государствообразующих конституционных понятий; во-вторых, в том, чтобы сохранить в тексте конституции запрет на возведение в ранг государственных идеологических приоритетов какой-либо отдельной политической партии России; в-третьих, отразить в тексте Конституции миссию Конституции, состоящую в утверждении государствообразующих идейных приоритетов России.

В обобщение сказанного можно заключить, что для определения, выражения и формирования общепринятых в России смыслов понятия «демократическое государство» отечественной социальной и политической философии необходимо основательно проработать теорию и практико-ориентированный анализ понятий «государствообразующее сообщество», «коренное гражданское общество», «ино-гражданское общество» и др. Для отражения соответствующих смыслов в структуре конституционных понятий целесообразно определение «Конституции» как свода ключевых государствообразующих идейных приоритетов России как суверенного государства. Движение в этом направлении позволит утвердить Конституцию в новой социальной миссии — в качестве общепринятого в России источника долгосрочных идеологических установок, которые интегрированы в структуру общероссийской гражданской идентичности. Одним из следствий утверждения Конституции в новой идейно-социальной миссии видится редактирование текста статьи 13 Конституции Российской Федерации, которая противоречит этой конституционной миссии.

Баранов Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

Клименко Алексей Иванович,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

**Функциональные характеристики правовой идеологии
в фокусе юридического образования**

Правовая идеология на содержательном уровне, а именно на уровне ценностей, идей, концепций тесным и многоплановым образом связана с юридическим образованием. Приобщение к юридическому образованию одновременно выступает как приобщение к содержанию правовой идеологии. В свою очередь, правовая идеология ныне выступает в идеологической сфере обще-

ства¹ в качестве «ведущей»². Мы оцениваем публично значимые позиции в правовых понятиях и категориях, в рамках конвенционально сформированных в пространстве публичного правового дискурса базовых правовых ценностей общества. О содержательной связи правового образования, включающего, как известно, правовое обучение и правовое воспитание в их единстве³ можно рассуждать в разных ракурсах и плоскостях. Но всегда следует помнить: в целом юридическое образование — это не нейтральный процесс. Оно не может (в большей или меньшей степени) наполняться правовой идеологией. Организацию юридического образования можно рассматривать как важную часть идеологического механизма (идеологического аппарата) современного политически организованного общества. Можно согласиться с идеей о том, что правовая идеология — это не просто «система ценностей» или «система идей», она полностью не сводима к своему содержанию, представляет собой и еще определенным образом выстроенный идеологический механизм⁴.

Таким образом, рассматривая функциональные характеристики правовой идеологии в фокусе юридического образования, надо ставить вопрос не столько о том, как правовая идеология влияет на юридическое образование, а скорее о том, как через механизм юридического образования (рассматриваемый как часть идеологического механизма) правовая идеология влияет на общество и становление личности.

Французский философ Луи Пьер Альтюссер справедливо отмечал, что можно говорить о ряде идеологических аппаратов государства: церкви, культуре, юридическом идеологическом аппарате, семейном идеологическом аппарате, профсоюзном, политическом, информационном аппаратах. Он выделял, в частности, школьный (образовательный) идеологический аппарат⁵. И если для феодального общества главным идеологическим аппаратом государства является церковный, то для современного капиталистического общества важнейшим звеном этого аппарата является школа в самом широком смысле слова. Неслучайно Л. П. Альтюссер приводит в пример реформу школы, проведенную В. И. Лениным⁶. И сегодня к реформам школьным, среднего профессионального и высшего образования приковано внимание общественности. Любые изменения в этой сфере вызывают серьезный социальный резонанс. Обращаясь к юридическому образованию, следует подчеркнуть, что оно в общем не ограничивается влиянием на студентов-юристов. Многие элементы юридического образования мы можем наблюдать и в общеобразовательных школах. Эти элементы, как правило, связаны, с одной стороны, с попыткой сформировать элементарную юридическую грамотность, а с другой, с желанием привить базовые ценности, лежащие в основе правовой идеологии российского общества. В рамках неюридических специальностей также часто можно встретить элементы юридического образования в виде комплексных правовых дисциплин (например, дисциплины «Правоведение», «Граждановедение»). Расширился спектр направлений юридического образования, а также «околоюридических» специальностей, охватывающих ряд юридических дисциплин. Все это наряду с сохраняющейся популярностью юридической специальности свидетельствует о существенной роли юридического образования, в том числе и в идеологическом аспекте. Именно система юридического образования систематизирует и прививает базовые ценности, на которых основано наше общество. Она (система) внедряет их в сознание обучающихся таким образом, что студенты-юристы становятся «адептами» и своего рода «миссионерами» правового мировоззрения. Не случайно, что одной из задач полиции, сотрудники которой преимущественно имеют тот или иной уровень юридического образования, согласно пункту 4 части 1 статьи 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» является участие в

¹ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. Санкт-Петербург: Изд. Дом «Нева», 2004. С. 223, 224.

² Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. Москва: Норма, 2017. С. 59.

³ Калинин И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Формирование ценностных оснований профессионального правосознания сотрудника полиции в процессе образовательной деятельности высших учебных заведений МВД России // История государства и права. 2020. № 10. С. 6.

⁴ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. Санкт-Петербург: Изд. Дом «Нева», 2004. С. 244, 248; Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. Москва: Норма, 2017. С. 254—266.

⁵ Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* // Althusser L. *Positions* (1964—1975). Paris: Les Éditions sociales, 1976. Pp. 67—125.

⁶ Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* // Althusser L. *Positions* (1964—1975). Paris: Les Éditions sociales, 1976. Pp. 67—125.

пропаганде правовых знаний¹. Традиционные духовно-нравственные ценности, обозначенные в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», лежат в основе правовой идеологии. Это и ценность справедливости, и ценность прав и свобод, и др.² Также целый ряд важных правовых ценностей закреплен в Конституции Российской Федерации и ряде других нормативных правовых актов.

Рассматривая роль правовой идеологии в рамках системы юридического образования, надо прежде всего отдавать себе отчет в том, что образование следует понимать как процесс социализации личности в самом сильном и богатом смысле слова. Здесь первостепенным является вопрос содержательного влияния правовой идеологии на этот процесс, тогда как сам механизм юридического образования выступает, как уже отмечалось, в качестве элемента идеологического аппарата государства и здесь можно и нужно ставить вопрос о том, как правовая идеология влияет на общество посредством механизма юридического образования. Ответ на этот вопрос предполагает функциональный анализ правовой идеологии. Можно выделить ряд функций правовой идеологии, которые одновременно можно рассматривать как идеологические функции юридического образования.

Правовая идеология в формировании ценностно-правовых основ мировоззрения. Формирование ценностно-правовых оснований мировоззрения — системообразующая функция правовой идеологии, реализуемая посредством системы юридического образования. Именно образуясь, человек получает представление о базовых правовых ценностях и смыслах современного общества. Само право в определенном идеологическом ракурсе может быть представлено прежде всего как система конвенциональных правовых ценностей, лежащих в основе современного общества (социоаксиологический подход к праву), что, впрочем, не исключает его нормативного понимания.

Правовая идеология в формировании телеологических установок правосознания, ориентирующих на правовой идеал. Разумеется, правовые ценности тесно коррелируют с представлениями о правовом должном и о целях, которые видимы в контексте несоответствия сущего и должного. Представления о должном обусловлены как уяснением правовых ценностей общества, так и получаемыми в процессе юридического образования идеальными моделями, схемами, которые, будучи не воплощенными в реальности, задают определенные целевые координаты для правосознания носителя этих представлений. В этом смысле правовая идеология формирует систему целеполагания и направляет стремление носителя ее установок в творческое русло достижения целей и преобразования (исправления) правовой реальности.

Правовая идеология в формировании цельного образа права. Важной функцией правовой идеологии является формирование цельного образа права. Этот образ является основой — ядром мировоззрения юриста. Юриспруденция — это одна из сфер человеческой деятельности, для которой не таким необходимым представляется вопрос о сущности права, тем не менее от ответа на этот вопрос зачастую зависит принципиальная позиция юриста и правовая идеология призвана сформировать образ права, релевантный условиям работы юриста, соответствующий определенному историческому этапу развития права, правовой системе и правовой культуре конкретного общества.

Правовая идеология в формировании способности к ценностному суждению. Три предыдущие функции и, разумеется, прежде всего системообразующая функция правовой идеологии обуславливают осуществление еще одной функции — функции формирования способности к ценностному суждению. Здесь, конечно, речь идет о восприятии права как системы ценностей и возможности использовать ценностные суждения в оценке как нормативного массива (правовой и неправовой закон), так и правовой практики.

Правовая идеология в формировании установок личности на активное и осознанное правомерное поведение. Способность к ценностному суждению обуславливает еще одну функцию правовой идеологии — формирование деятельностных установок на социально активное

---

¹ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 28 января 2011 года // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

правомерное (соответствующее ценностным представлениям о праве) поведение. Именно в поведении правовые ценности получают должную практическую верификацию, порождают опыт и реактуализируются в правосознании уже в контексте этого опыта.

Разумеется, выделение функций правовой идеологии — вопрос степени дифференциации функционального анализа. Тем не менее полагаем, выделение этих функций достаточно для того, чтобы получить представление о ее функциональных характеристиках, связанных с задействованием механизма юридического образования.

Идеологическое значение теоретико-исторических правовых дисциплин в системе юридического образования.

Не все учебные дисциплины в равной мере решают идеологические задачи. Важнейшая роль принадлежит именно тем учебным дисциплинам, которые принято считать правовыми общетеоретическими или теоретико-юридическими. Именно в их преподавании наиболее тесно переплетены учебные и воспитательные задачи, и именно они, по нашему мнению, должны в перспективе лечь в основу формирования такой учебной дисциплины, как «Основы российской государственности» или «Энциклопедия юриспруденции»¹. Но до того, необходимо решить архитрудную проблему: соотношение фундаментального и прикладного в правоведении. В теоретико-философском ключе эта проблема даже не поставлена надлежащим образом.

Теория государства и права выступает как фундаментальная юридическая дисциплина, являясь, с одной стороны, тесно связанной с философским осмыслением права, а с другой, выступая в качестве общей теории по отношению к отраслевым юридическим теориям. Важным элементом ее содержания является теория правосознания², которая позволяет нам понять его общественный характер, приобщиться к базовым идейным установкам. Теория государства и права экспонирует право как сложное социальное явление, имеющее определенные закономерности возникновения, развития и функционирования. Обучающийся в процессе изучения данной дисциплины приходит к выводу о наличии определенных относительно стабильных смысловых и идейных установок права, не зависящих от воли законодателя или правоприменителя.

В систему дисциплины «**Философия права**» входит важный раздел правовой аксиологии. Именно правовые ценности, выражаясь в идеях, лежат в основе правовой идеологии. Данный раздел позволяет познакомиться с ними, объясняет их природу, системные свойства, формирование, функции и др. Следует отдельно подчеркнуть, что материалистические философско-правовые концепции, используемые как научная основа преподаваемой дисциплины, позволяют формировать релевантную ценностную картину мира, а идеалистические концепции несмотря на то, что также играют идеологическую роль, способны существенно исказить действительность и формировать произвольное, зачастую оторванное от нее представление о системе правовых ценностей³.

История политических и правовых учений позволяет четко представить, что «Политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества имеют классовый характер, создаются определенным классом, служат интересам этого класса»⁴. Связь правовых ценностей и идей с интересами и потребностями, формируемыми в условиях конкретного матери-

¹ Баранов В. М. Философия права как неотъемлемый элемент энциклопедии права // Философия права как учебная и научная дисциплина: материалы Всероссийской научной конференции 18—29 апреля 1999 года / под ред. П. П. Баранова, В. Ю. Верещагина. Ростов-на-Дону: Ростовский юрид. ин-т МВД РФ, 1999. С. 93—95; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова [и др.]; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва: ИД Юриспруденция, 2016. С. 48—72; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 13—35.

² Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. 335 с.

³ Корнфорт М. Диалектический материализм. Москва: ООО «Советские учебники», 2021. 496 с.; Бабурин С. Н., Бережнов А. Г., Воротилин Е. А. и др. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Проспект, 2011. Т. 1. С. 307—308.

⁴ Галанза П. Н., Карева М. П., Кечекьян С. Ф. и др. История политических учений: учебник / под. ред. С. Ф. Кечекьяна, Г. И. Федькина. Москва: Госюриздат, 1955. С. 8.

ального производства, позволяет сформировать их видение как не случайных, они выступают не как предмет «юридических верований», а как четко объективно определенные величины¹.

История государства и права позволяет осмыслить правовые ценности и идеи в контексте конкретных исторических ситуаций, как продукт накопленного столетиями исторического опыта. Формирует представление о том, что многие юридические механизмы сформировались определенным образом не случайно, как не случайно они изменяются в процессе исторического развития.

Подводя итог, можно предложить четыре **вывода** важных для определения функциональных характеристик правовой идеологии.

1. Правовая идеология содержательно влияет на юридическое образование, однако, в контексте определения ее функциональных характеристик, следует рассматривать саму систему юридического образования как составляющую правовой идеологии, то есть как то, что входит в ее механизм и, являясь составной частью системы образования в целом, может рассматриваться как важнейшая часть идеологического аппарата современного государства.

2. Правовая идеология является «ведущей» в современном обществе. Это во многом обуславливает особую роль юридического образования. Оно востребовано ныне повсеместно и даже не-юридические направления, и школьные программы включают в себя элементы юридического образования.

3. К основным функциям правовой идеологии осуществляемым посредством системы юридического образования являются следующие: формирование ценностно-правовых основ мировоззрения (системообразующая функция), формировании телеологических установок правосознания, ориентированных на правовой идеал, формировании цельного образа права, формировании способности к ценностному суждению, формировании установок личности на активное и осознанное правомерное поведение.

4. Важнейшую роль в выполнении обозначенных функций правовой идеологии играют фундаментальные учебные дисциплины теоретико-исторического правового цикла (теория государства и права, философия права, история политических и правовых учений, история государства и права).

Фатенков Алексей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета

Политический кентавр постистории и его идеологический антураж

Нынешнее состояние цивилизации характеризуется смешением черт модерна и постмодерна. Ценности традиционной культуры не исчезли вовсе, но имеют сегодня заметный современный и постсовременный окрас. Попытка избавиться от него и вернуться к незамутненной традиции — как одна из реакций на неприятие теперешней ситуации — обречена (по меркам человечности) на неудачу: с высокой долей вероятности грянет тогда не «новое средневековье» с его онтологической глубиной, а новый феодализм с убого-инновационным крепостным правом. Причина проста: инструмент реставрации донельзя современен. Он копирует и имитирует прежние формы в отвлечении от их содержательного ядра и благоволящей им ментальной ауры.

В миксе модерна и постмодерна у последнего более выгодное положение. Модерн отличается конкуренцией, периодически острой, больших социальных проектов и соответствующих метадискурсов. Постмодерн дробит и те, и другие на фрагменты, которые механически тасуются и сцепляются друг с другом чуть ли не произвольным образом. Во всяком случае, о произвольности складывающихся комбинаций предпочитают говорить сами постмодернисты-интеллектуалы, оценивающие постсовременные тенденции со знаком «плюс» и заменяющие «параноидальный»

¹ Корнфорт М. Диалектический материализм. Москва: ООО «Советские учебники», 2021. 496 с.; Бабурин С. Н., Бережнов А. Г., Воротилин Е. А. и др. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Проспект, 2011. Т. 1. С. 307—308.

монизм «шизофреническим» плюрализмом, либо, играя в объективизм, декларирующие аксиологический нейтралитет, неразличимость останков субъекта и остатков объекта. Как бы то ни было, априорная склонность к всесмесительству делает постмодерн лидером в его сцепке с модерном. Причем речь идет тут именно о механическом сочленении и кентаврической структуре, а не о гибридном продукте, которому еще присуще органическое единство.

Модерн подлинно историчен. Как бы мы ни оценивали идею истории, она принадлежит к числу базовых элементов социальной теории и практики Нового времени. Постмодерн эпифеноменом своим имеет постисторию — состояние истории после ее собственного конца: не самое хорошее состояние после не самого хорошего конца. Модерн подчеркнуто идеологичен. Не лукавя, он запечатлевается в истории фронтальным столкновением идеологических систем. Переход к их мирному сосуществованию и, далее, к декоративной деидеологизации свидетельствует о появлении и нарастании постмодернистских тенденций в социально-политической сфере общественной жизни. Постмодерн, ситуативно, то маскирует и прячет идеологичность, то демонстрирует ее в виде тотально-лоскутного полотна.

Постистория, как и постмодерн, готова к склейке разрозненных фрагментов всех мировоззренческих и политико-идеологических матриц, сложившихся ранее в эпоху модерна. На практике, однако, что бы ни говорили постмодернисты, преимущественно актуализируется одна комбинация. И этот доминирующий сценарий, вызывающий тревогу, не вполне случаен.

В современном обществе ведущими соперничающими политико-идеологическими парадигмами выступают социализм (коммунизм), либерализм и фашизм. Конец истории ознаменовался победой либерализма, но она оказалась пирровой. Предвосхищая ситуацию, выразительно описал ее еще в начале 1940-х годов Пьер Дрие ла Рошель: «Коммунизм мертв, и фашизм тоже, а старый либерализм, изможденный, хихикает у себя в уголке и не знает, что уже ни на что не похож»¹. Впрочем, в координатах постмодерна эта выхолощенность и непохожесть ни на что (пусть даже не полная, а частичная) предоставляет их носителю зримые предпочтения в виде предрасположенности к вариативной сочлененности с чем угодно.

Либерализм, каким он добрался до времен постмодерна / постистории, сочетает в себе установку на формальное равенство всех граждан перед законом с апелляцией к свободе индивида в рамках практического разума кантовского толка и с особыми правами социальных меньшинств. Как ни парадоксально, на первый взгляд, постмодерновому либерализму заключить альянс с фашизмом куда проще, нежели с социализмом. Стоит только включить в круг социальных меньшинств группировки правящего слоя (а они, в самом деле, количественно невелики) и, вдобавок, контекстуально манипулировать природно-биологическим фактором (с атрофией его в киберполитике и гипертрофией в биополитике), как стыковка на социальной орбите либерализма и фашизма становится весьма вероятной. И еще аргумент. Формально-законническая доминанта либерализма, тенденциозно индифферентная к содержанию правовых норм, нигилистична в своем пределе. Встречным образом нигилистичен и фашизм, что признает и упомянутый выше экстравагантный французский интеллектуал. «Мы не будем сражаться за то или за это. Мы будем сражаться против всех. Это и есть фашизм»² — но это есть и нигилизм, без сомнения. Нигилизм, прикрытый фиговым листком тотальности масс. Акции либерал-фашизма идут вверх по мере нарастания прессинга формализации над процессом и состоянием содержательного труда, иными словами, по мере умаления и драпировки социалистических ориентиров общественной жизни.

Социализм — и в неутопически мыслимой его сущности, и в практике его строительства — притязает на преодоление нигилистических тенденций в человеческом сообществе и на укрепление неформального единения людей. Историческое поражение социалистической стратегии — выказывающее, быть может, не столько изъяны собственно социализма, сколько изъяны самой истории — было вызвано не в последнюю очередь чрезмерной технологизацией и формализацией воплощаемого проекта, что нашло свое выражение помимо прочего в абсолютно бесперспективном намерении экономически тягаться с капитализмом. Редукция практики к технологии фатальна для социализма и сподручна для его конкурентов — фашизма и, прежде всего, либерализма.

¹ Дрие ла Рошель П. Дневник 1939—1945 / пер. с фр. под ред. С. Л. Фокина. Санкт-Петербург, 2000. С. 382.

² Дрие ла Рошель П. Фашистский социализм / пер. с фр. А. В. Шестакова. Санкт-Петербург, 2001. С. 129.

Фашизм, в трактовке Ги Дебора, есть «*технически оснащенная архаика*»¹. Соглашусь и продолжу. Либерализм, по крайней мере в одной из смысловых проекций, есть технологически воспроизводящая отчуждение инноватика. Данное определение совпадает с определением капитализма, аутентичной социально-политической стороной которого, феномена социально-экономического, либерализм и является. Остаточные симпатии к либерализму — в память о временах противостояния с засильем фидеизма, клерикализма и сословного неравенства — обусловлены приватизированным им брендом свободы, но она здесь содержательно скудна. И сопрягается не с лицом и не с полнокровной натурой человека, а с имиджем, персональным товарным знаком. Вместо свободы «для» — свобода «от», но не от эксплуатации и товарного фетишизма, не от торговли собой, а от их радикального устранения. Свободы, задекларированной либерализмом, хватает лишь на сопротивление феодализму и его рудиментам — с капиталистическими несвободами ей никак не совладать.

Возникающий кентавр либерал-фашизма не чета археоавангарду, той синтетической композиции, которая намеревается выйти из-под опеки технологического детерминизма и, недовольная перетеканием истории в постисторию, а, не исключено, и самой исторической процессуальностью, ратует за нерасторжимость содержания и форм жизни. Если археоавангард обращается к прошлому и будущему, чтобы по максимуму снять отчуждение в настоящем, теперешнем состоянии общества, то либерал-фашизм оглядывается назад и заглядывает вперед, чтобы путем рекомбинаций сохранять, умножать и капитализировать отчужденность. Археоавангард, не закрывая глаза на проблемные места гуманизма, никак не посягает на априорную ценность человечности. Либерал-фашизм сдает и гуманизм, и человечность в угоду трансгуманистической сингулярности. Технологическая каузальность приближается тут к своему апогею.

Шарнирная конструкция либерал-фашизма эффективно чередует правовые и внеправовые приемы принуждения. Закон, исторически призванный вроде бы строго блюсти границу между правом и бесправием, в постисторических реалиях эту границу размывает. Джорджо Агамбен показывает, как в прошедшие пару лет в Италии в условиях объявленной пандемии правительственные распоряжения с размытыми формулировками способствовали широкомасштабному распространению чрезвычайного положения и превращению его в политическую норму². Чрезвычайное положение, о котором с либеральными интонациями говорит итальянский философ (перетолковывая определенным образом соответствующий концепт Карла Шмитта), и есть актуализированный либерал-фашизм.

Политическая эмпирия либерал-фашизма не требует публичного содержательно адекватного идеологического обрамления. Более того, оно, неоспоримо циничное, при своем возможном обнародовании выступило бы помехой в продвижении постисторического кентавра. Куда удобнее сопровождать его поступь мозаичной риторикой, вариативно сочетающей по мере нужды элементы всех идеологизированных дискурсов, что у публики на слуху. Востребованным оказывается здесь формирование информационно-коммуникативного поля, в котором перевозносимое и охаиваемое легко поменять местами. Идеология сливается с пропагандой, с голым инструментализмом — до чего никогда не опускался модерн. Если в его координатах идеология еще оставалась, пусть и с оговорками, в области собственно истинностных значений и не сваливалась целиком в прагматику, то в состоянии постмодерна, во всяком случае применительно к ризоме либерал-фашизма, собственно истинностная оценка конструкции, выполняющей функции идеологии, обнулена.

Треушников Илья Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Идеология в праве и право на идеологию

Проблематика, которая рассматривается в рамках настоящего круглого стола, приуроченного к Всемирному дню философии и вместе с тем к 85-летию со дня образования Нижегородской акаде-

¹ Дебор Г. Общество спектакля / под ред. Б. Скуратова; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. Москва, 2000. С. 67.

² См.: Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / пер. с ит. В. Данилова. Москва, 2022.

мии МВД России, действительно, обладает большой актуальностью. Вопросы взаимовлияния идеологических конструкций и правовой реальности в настоящий период времени приобрели особую остроту еще и вследствие эрозии международных правовых институтов, коллизионности принципиальных политических и правовых установок. При подготовке юридических кадров в этих условиях образовательные учреждения сталкиваются с дополнительными трудностями и вызовами как методологического, так и мировоззренческого характера, что, несомненно, требует осмысления.

Стремление позитивистски ориентированных теоретиков права сформировать ценностно-нейтральное представление о правовой реальности и на этой основе построить юридическую науку и образование не лишено противоречий. Сведение сущности права к «приказу суверена» не в состоянии в полной мере снять вопрос о детерминации цели и содержания этого самого приказа. Открытой остается и тема смыслообразования в процессе управленческой деятельности. Установка на игнорирование «философских» вопросов и освобождение правовой мысли от оценочных суждений позволяет снять их только в рамках данной конкретной методологии. Даже в рамках собственно правоведения как области знания стремление к «очищению» выступает во многом лишь претензией или заданием. Хотя оно поддерживается многими очень авторитетными исследователями. В частности, В. М. Сырых отмечает, что «по своей сущности правовая наука представляет собой систему достоверных истинных знаний о праве и государстве и не может содержать каких-либо идеологических положений, высказываний»¹. Достаточно беглого взгляда на историю отечественного правоведения для того, чтобы увидеть сколько влияние на него идеологических конструкций. Возможно, что именно это обстоятельство и актуализирует поиск линий разграничения между собственно правовой наукой и правовой идеологией.

Само понятие «правовая идеология» является достаточно дискуссионным и периодически подвергается попыткам анализа специалистами-правоведами. Предельно широкое и упрощенное понимание правовой идеологии как высшего уровня правосознания вызывает обоснованные возражения. Усматривая в широком подходе опасность растворения идеологии в продуктах научного уровня правосознания или идеологизацию теоретического правосознания, критики выступают за уточнение содержания понятия «правовая идеология», обретение идеологических смыслов правосознания². Полагаем, что к такой постановке вопроса следует отнестись серьезно и вдумчиво. Особенно учитывая сохранившуюся в отечественных правовых исследованиях традицию обосновывать творческий замысел работы ссылками на заявления политического руководства страны, официальные документы и другие подобные, не имеющие прямого отношения к научному исследованию материалы.

Достаточно взвешенным представляется подход, при котором правовая идеология и научное правосознание мыслятся в качестве взаимосвязанных, но самостоятельных феноменов, обладающих собственными качественными характеристиками. Также следует поддержать мысль о том, что правовая идеология, не смотря на присущие ей специфические черты, выступает формой проявления социальной идеологии.³ Это позволяет говорить о проникновении идеологии в правовую действительность в самом широком смысле. В силу близости права и государственности, те или иные идеологические установки из политической сферы естественным образом проникают в строй правовых конструкций. Зачастую они приобретают закрепление в нормативных правовых актах и начинают оказывать прямое влияние на регулирование социальных отношений. В случае, когда этого непосредственно не происходит, идейные установки воздействуют на сферу правосознания. Полагаем, что сложно переоценить значение идеологических образцов, господствующих в сознании законодателя или лиц, оказывающих определяющее влияние на принятие законотворческих решений. При этом логически непротиворечиво предположение о том, что сами эти идеологические конструкции могут носить внешний по отношению к государственно-правовой системе характер, то есть генерироваться в области духовной культуры в целом. Взаимное влияние основных сфер жизни общества является очевидным фактом и не требует отдельного обоснования.

В связи со сказанным выше, мы можем говорить не только о проявлении идеологических конструкций в правовой реальности, но и о необходимости идеологии для продуктивного нацио-

¹ Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 135.

² Рудковский В. А. Правовая идеология и научное правосознание: проблемы разграничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 16.

³ Там же. С. 18.

нального развития, о «праве на идеологию», которое обретает государственнообразующая совокупность народов. История дает массу примеров поиска национальных идеологий, которые осуществляются зачастую в самые критические периоды мирового развития. Дискуссия о русской идее, которая своими корнями уходит в глубины отечественной истории, сохраняет актуальность для нашей общественной мысли и до настоящего времени. Отраднее то, что данный вопрос выходит за рамки философских дискуссий и становится предметом рассмотрения ученых-юристов. Стоит обратить внимание и поддержать мысль о том, что существуют некоторые объективные пределы для «деидеологизации» как общества, так и государства и права.¹ Социальный организм требует наличия общественно-значимых установок, которые выступают системообразующими факторами общественной жизни. Они позволяют значимым массам населения идентифицировать себя как нечто общее, осознавать национально-государственное единство, помогают реализовывать стоящие перед обществом задачи. Наличие идеологических конструкций в общественном сознании во многом является необходимым условием для национального самосохранения. При этом необходимо подчеркнуть, что речь не должна идти о человеконенавистнических деструктивных идеологических системах. Они могут дать определенный консолидирующий эффект (история, к сожалению, дает нам эти примеры, как в прошлом, так и в настоящем), но в конечном итоге приводят социальную систему к саморазрушению.

Мы уже отмечали, что для российского общественного сознания на современном этапе его развития актуальной задачей представляется обретение мировоззренческих ориентиров, которые позволят обеспечить социальную консолидацию и решение стоящих перед обществом задач.² Для современной России и ее народа большое значение имеет самобытная цивилизационная самоидентификация. Для обоснования и укрепления национальной самобытности необходимо, кроме всего прочего, обращение к отечественной духовной традиции, включающей богатое философское наследие³. На уровне политического руководства нашей страны это осознается в полной мере, что демонстрируется действующими «стратегиями», «доктринами», «основами», «концепциями», «программами» как федерального, так и регионального уровня. В частности, в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» перечисляются социально-значимые традиционные для народов России ценностные установки. Сам этот перечень имеет под собой определенную мировоззренческую основу, в документе дается оценка современной ситуации, в которой оказалась наша страна, формируется образ будущего, ориентированный на желаемые ценностные идеалы. Что особенно для нас важно в тексте содержится прямое указание на необходимость противодействия деструктивным идеологиям, которые выступают значимыми угрозами для России, так как направлены на разрушение традиционного народного мировоззрения, размывание основ социальной солидарности, нарушение «общероссийской гражданской идентичности». В силу того, что мировоззренческие установки определяют деятельность человека, деструктивные идеологии направлены фактически на распространение контрпродуктивного социального поведения, обострение социальных конфликтов, включая межконфессиональные и межнациональные⁴. Смысловое поле, которое порождает рассматриваемый документ, позволяет говорить о нем как об элементе идеологической доктрины. Тем самым реализуется потребность в определенном идеологическом оформлении национального сознания. Можно признать, что это приемлемая форма актуализации права на идеологию в условиях декларируемого действующей Конституцией России идеологического плюрализма и запрета на установление обязательной государственной идеологии.

Можно обратить внимание на исследования посвященные анализу отдельных концепций регионального уровня (на примере Концепции правовой политики Тамбовской области). Современные авторы отмечают не только жизнеспособность подобного рода программных документов, но и

---

¹ Рудковский В. А. Правовая идеология и научное правосознание: проблемы разграничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 21.

² Треушников И. А. Правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

³ Треушников И. А. Философское обоснование российской государственности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 42.

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 27.02.2023)

перспективную продуктивность их применения законодателями субъектов Российской Федерации. Высказывая опасения в возможности избыточной регламентации правовой деятельности субъекта, переоценке прогностической функции правовой науки, они тем не менее положительно оценивают саму попытку сформировать «Концепцию» именно как идеологию («эскиз региональной правовой идеологии»)¹. Мы, таким образом, обнаруживаем, как проявление идеологической (полагаем допустимо применить данный термин) функции правовой науки, так и преломление идеологии в правовых документах.

В современной отечественной юридической мысли обсуждается и вопрос о формировании «конституционной правовой идеологии». С точки зрения авторов, конституционные положения части второй статьи тринадцатой не являются в данном случае препятствием, так как «задают систему координат» для существования различных типов идеологий в нашей стране. В этой системе конституционная правовая идеология призвана выступить консолидирующей формой в силу природы и характера самого Основного закона государства. Конституционная правовая идеология позволит обеспечить преемственность и функционирование государственной власти в контексте соблюдения баланса конституционных ценностей, социальных приоритетов, прав и свобод личности². Можно согласиться с мыслью о продуктивной роли консолидирующей идеологии для развития государства, общества, человека.

Таким образом, мы видим, что идеология в тех или иных формах обнаруживает свои проявления в правовой реальности. Общесоциальные идеологические установки и элементы правового бытия, понимаемого в предельно широком плане, такие как нормы права, правоотношения, элементы правосознания (правовая психология, правоведение, собственно правовая идеология), правовая политика, находятся в сложных взаимосвязях и взаимозависимостях. Говорить о свободе права от влияния идеологических установок можно только в области правовой науки и скорее в качестве желаемого идеала, нежели актуального состояния. На современном этапе российское общество обладает комплексом ценностных установок, закрепленных в нормативных правовых актах федерального уровня, которые могут рассматриваться как форма востребованной обществом идеологии. На наш взгляд, можно говорить о наличии основ для формирования национальной идеи, о необходимости которой многократно говорят как представители философского сообщества, так и специалисты в области юриспруденции.

Бобков Александр Иванович,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Образование без идеологии, или Конец идеи университета

«Угнетение идеологией» воспринимается сегодняшним поколением, пришедшим в университеты, как состояние поколения далекого для них советского прошлого. Основным предикатом такого состояния в их сознании является полная зависимость мышления поколений, выросших в СССР, от отмененных революцией 1991 года догм самого лучшего и самого передового общества на планете. Строительство коммунизма в данном случае расценивалось как сочленение утопии и идеологии весьма опасное для устойчивого развития. Неустойчивое развитие представляется сегодняшнему поколению весьма далеким явлением, однако кризисы, в коих мы живем, подаются так, что ответственными за них назначают вновь и вновь старшие поколения, не умеющие представить себе текучую современность с ее расплавленными в угоду индивидуализации структурами и полагающими, что устойчивое развитие есть сохранение неких структурных принципов. Тогда как необходимо видеть тот факт, что структура сегодня конструируется однобоко, одноразово в угоду тем, кто сумел убедить массу в том, что именно эта структура может решить проблему раз и навсегда. Не нужно благодаря идеологии возвышать объективированное прошлое до состояния

¹ Клименко А. И., Попов В. И. Триумф идеи и / или успехи идеологии? Правовая политика или правовая идеология? // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 112—113.

² Зиновьев И. П., Колесников Ю. А., Мельников В. Ю. Идеология как общественный и государственный институт // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 198—199.

субъектности. Лучше вообще отменить всякую субъектность в силу того, что одноразовое субъективирование лучше, чем постоянное сопротивление объективации. И не важно, что субъективность и субъективация — не субъектность. Главное, не вести диалог с прошлым для определения смысла человеческого бытия, убрать вечное из всех сред, где происходит или возможна встреча поколений. Лучше вообще убрать такие среды. Убрать их не только символически, но и реально.

Устранение традиции через устранение символов встречи поколений есть современное заболевание университета с его иллюзией освобождения от идеологии. Самое странное заключается как раз в том, что идеология и есть детище университетов. Когда философию сделали служанкой науки, она сумела изобрести идеологию как предельное выражение социальной субъектности. Идеологию национальной культуры. Однако сегодня идеология национальной культуры вообще признается деструктивным изобретением. Социальная реальность без идеологии вообще не содержит социальной субъектности, поэтому университет должен прекратить следовать своей миссии. Неутешительная диагностика состояния университета предложена Б. Ридингсом. По его убеждению: «...Университет становится институтом иного типа; он больше не связан с судьбой национального государства, так как перестает выступать в роли творца, защитника и распространителя идеи национальной культуры. Во всех уголках мира процесс экономической глобализации ведет к относительному упадку национального государства в качестве первичной инстанции воспроизводства капитала. Университет в свою очередь становится транснациональной бюрократической корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления, такими как Европейский союз, либо функционирующей независимо по аналогии с транснациональной компанией»¹.

Объективация ввела в пространство университета то, что до этого было не внедряемо в принципе, а именно торгово-административный диктат. Никто не говорил о том, что его до этого не было, но его не было в пространстве университета, хотя он им производился, но производился для внешней среды и не более того. Тотальное надзирательство и экономическая невыгода сначала погубили среднюю школу как менее приспособленную к уходу от них, а затем добрались до высшей школы. Через внедрение тотального рыночного обмена университеты бросились в соревнование за потребителя образовательных услуг.

Обозначим категорически, что этот процесс касается не только университетов Запада, но и наших университетов. Терри Иглтон назвал этот процесс американизацией. Мы считаем его скорее процессом деидеологизации или процессом денационализации. Убедить субъекта в том, что он, находясь в образовательном пространстве, свободен от идеологии — не значит освободить его от нее. Идеология не терпит пустот. Если уходит одна идеология на ее место приходит другая. Она может быть изобретена или заимствована, но она есть. Советский университет, признанный без всякой полемики, тупиковым проектом, казался всем подчиненным идеологии настолько, что предполагалось отсутствие ее эволюции. Такая иллюзия происходит в результате того, что университет не может производить никакой другой идеологии кроме национализма. Вот что писал о том, что следует называть американизацией, Б. Ридингс: «Американизацией теперь следует называть не столько практику национального империализма, сколько повсеместное навязывание правила денежных отношений вместо идеи национальной идентичности в качестве детерминанты всех аспектов инвестирования в общественную жизнь. Иными словами, американизация означает конец национальной культуры»².

Так как в советском университете идеологией национальной культуры был коммунизм, а он подвергся дискредитации через сконструированную без национальной культуры этноархаику, то нам придется задуматься над тем, к чему ведет университет неолиберальная идеологии господства меньшинства над большинством?

Главное, что требуется от университета в рамках неолиберального дискурса, — создавать это меньшинство, однако неолиберализм идет дальше. Он хочет, чтобы меньшинство университетов создавало меньшинство, управляющее массами по всему земному шару. Советский университет, как положено университету «русского коммунизма», боролся с массой не для того, чтобы усугубить ее состояние «варварства», а скорее заботился о том, чтобы ввести ее в состояние творчески мыслящего народа. Именно в советском университете трудились сообщества, помогающие в этом массе, но таились и те, кто уже хотел попробовать стать элитой, управляющей массами. И, как ни странно, актуализация идей этих людей произошла при поддержке управляющей бюрократии уни-

---

¹ Ридингс Б. Университет в руинах. Москва, 2010. С. 12.

² Там же.

верситета. Более того, мы не заметили то, что бюрократия университета, выходя из лабораторий и кафедр с учеными степенями, быстрее всего воспользовалась и идеологическими социальными лифтами коммунизма, и новыми неолиберальными лифтами. Так, один из профессоров Иркутского государственного университета был делегатом XXVIII съезда КПСС и стал успешным сотрудником фондов Сороса, Макартур и Форда.

«Рыцарей советской науки», или «святых университета» сменили симулирующие научный поиск начальники от науки и заведующие кафедрами. Они же ввели на кафедры, особенно гуманитарные, научных вундеркиндов, чем ужесточили без того начавшийся «спор факультетов» (И. Кант). Интеграция советского университета достигалась за счет идеологии русского коммунизма, распространяемой через исторические и философские курсы на все факультеты.

Преемственность университетской традиции здесь была двоякой. С одной стороны, советскому университету удалось установить то, что до него призывал постоянно делать И. Кант в целях поддержки идеи университета в рабочем состоянии. Как отмечает Л. А. Калинин, И. Кант настаивал на том, чтобы: «Из младшего — подготовительного — философский факультет должен стать самостоятельным. Но этого мало: он должен быть основой университетского образования, составляя не только его базис, но и направляя его, открывая новые горизонты как для вновь рождающихся наук, так и для традиционных областей практического знания, подлежащего сфере государственного контроля и регулирования, а именно: теологии, юриспруденции и медицины. Кант первым осознал методологическую роль философии в отношении научного знания, его теоретического характера и практического применения».¹ С другой стороны, излишняя идеологизация жизни советского общества была в эпоху революции 1991 года приписана марксистской философии и советской истории и их роль в качестве интеграторов была существенно снижена, а другой системы интеграции университетского сообщества у нас нет, хотя, если честно, ее нет и у других университетских сообществ. Изоляционизм университетов, столь часто воспринимаемый как их разрушение, приписываемый советской системе построения университетов в СССР, был введен снова, но не со стороны необходимости, а со стороны конкурентных национальных университетских сообществ, стремящихся не допустить новых игроков на рынок брендового образования. Разве мог Гарвард не унижить МГУ. Конечно, нет. Парии глобализма не должны иметь нормального конкурентоспособного образования, поэтому преемственность на основе изоляционизма была двояка. С одной стороны, есть те, кто хочет не спасать университет в России, а путем его изоляции в бесчисленных расправах администраторов и еще оставшихся интеллектуалов обеспечить окончательную победу квазиинтеллектуалов. Это внешние изоляционисты. С другой стороны, есть внутренние изоляционисты, которые как раз стремятся к тому, чтобы спасти университеты России, если это возможно. Именно такого изоляционизма боятся те, кто уже приговорил российскую высшую школу жить в рамках полного отсутствия преемственности.

Для того чтобы не было преемственности между советским и российским университетом, необходимо утвердить иллюзию отсутствия нормального развития советского университета вообще. На месте советского университета нужно оставить пустоту, даже не руины. Идеология пустоты есть революционная идеология, подминающая идеологию эволюции, но не преодолевающая ее совсем. Хотя существование ее известно немногим. Для того чтобы пустота состоялась, необходимо историческое развитие университета описать так, чтобы его должное и его сущее были отдалены максимально.

Политизация университетской жизни через устоявшиеся оценки «застойной» советской цивилизации есть убедительнейшее доказательство того, что вне идеологии российское общество никогда не находилось. По мнению А. Дмитриева, предложившего интересный концепт «переизобретение советского университета», образовательная политика уже в период Октябрьской революции попыталась покончить с эпосом преемственности и независимости идеи университета от безнациональной идеологии, однако контрреволюционный поворот к построению социализма в отдельно взятой стране привел к тому, что идея университета как творца национальной культуры возобладала вновь. Как ни трудно согласиться, но возрождение университета состоялось. Даже настроенный критически А. Дмитриев отмечает: «В начале советского периода этот эпос пытались радикально видоизменить в пользу альтернативного нарратива (ценностей студенческого движе-

¹ Калинин Л. А. О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско-мировоззренческом, валеолого-диететическом / отв. ред. Л. А. Калинин; Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна, И. Д. Копцева, М. И. Левиной. Калининград, 2002. С. 7.

ния, революционного обновления и социо-технической модернизации), но уже начиная со зрелого сталинизма парадигма преемственности оказывается все более значимой»¹.

Вместе с тем расцвет университета в эпоху 60—80-х годов XX века в СССР произошел как раз тогда, когда русский коммунизм стал наиболее мощно развитой идеологией нормального национализма. Трудно многим согласиться со следующим заключением А. Зиновьева, однако в нем обозначена преемственность там, где ее стремятся запретить: «Коммунистический социальный строй и Октябрьская революция в России появились вовсе не как некое уклонение от российской истории. Это было закономерное продолжение русской истории. Благодаря коммунистической революции сохранилось лучшее, что было создано в русской истории»². Не случайно А. Дмитриев отмечает: «Восстановленная в правах в 1960—1980-е годы — применительно к прошлому — идея университетской автономии (как важная часть «прогрессивной традиции» XIX столетия) уже в 1990-е годы оказалась формой консервации достигнутого, способом защиты ректорского сообщества и изрядной части профессуры — через апелляции к истории — от «вмешательства горе-реформаторов». В результате под классическим университетом стал фактически пониматься университет брежневского времени»³.

Неуязвимый с позиций социальной логики или с позиции декларируемой социальной мобильности, он был сокрушен именно на гуманитарных университетских кафедрах теми, кто решил превратить университет в корпорацию, отойдя от функции создания национальной культуры.

И пусть на самом деле переизобретение советского университета полагается неоллибералами процессом тупиковым. Тем не менее мы видим одно, что изобретение национально консолидирующей идеологии есть священная миссия университета, его идея, реализованная в брежневские времена наиболее полно, не идеально, но наиболее полно. Именно возвращение к ней и боятся все те, кто зарабатывает на бесконечных компетентностных подходах и образовательных стандартах. Ведь миф об отставании в условиях нормальной изоляции университета не работает, однако это не значит, что восстановление советского университета пойдет по пути полной копии, но обнаружение в нем технологий нормального национализма с учетом универсализма, изобретаемого им, есть путь к восстановлению идеи университета.

Если мы не переизобретем свой универсализм освобождающего характера, каким был русский коммунизм при всех его недостатках, его переизобретут другие, но при этом выбросят то поколение профессуры, которое весьма легко отказалась от идеологии. Необходимо помнить о том, что шанс у университета есть только тогда, когда он осознает, что его судьба либо связана с судьбой национального государства, либо его вообще нет. Тот сценарий превращения университета в транснациональную корпорацию, который предлагает неоллиберальная доктрина развития университета, есть мощнейшее начало его уничтожения. Ждущие инвесторов сегодня вне государства квазиинтеллектуалы полагают, что именно в этом и есть их важнейшая миссия. Инвестор между тем тратит деньги не на то, чтобы российский университет стал новой корпорацией, а наоборот. Согласные с таким положением отдельные естественно-научные сообщества университетов полагают, что в союзе с технократами они принудят инвесторов развивать российские университеты без государства. Без освобождения от идеологии как цели и смысла университета их проект не осуществится, поэтому необходимо убрать тех, кто мыслит иначе. Национально мыслящие гуманитарии вот тот, кто мешает окончательно захватить университет. Именно они привязаны к национальной культуре, они ее производят, защищают, берегут иначе им невозможно жить.

Ивашевский Станислав Леонидович,

доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

Идеология в юридическом образовании эпохи перемен

Современное российское общество переживает эпоху перемен, которая характеризуется существенными социально-экономическими изменениями, поиском идеологических оснований жизни

¹ Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 62.

² Зиновьев А. Моя революция. URL: https://royallib.com/read/zinovev_aleksandr/moya_revolyutsiya.html#modal (дата обращения: 21.11.2022).

³ Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 62.

обновляющегося социума, определением необходимого в сочетании национальных традиций и новаций мировой культуры. Идеология, как было показано в наших предшествующих исследованиях, является естественной основой юридического образования¹. Юрист — защитник определяющих всю жизнь общества государственных интересов, а идеология раскрывает содержание этих интересов. Права и свободы человека, право, справедливость получают в идеологии свою конкретизацию. Отсутствие адекватной национальной культуре идеологии лишает эти юридические константы определенности, создает условия для развития хаотизации общественных отношений, неопределенности в ценностно-целевых аспектах юридического образования. Произошедшие за последние тридцать лет в нашем обществе кардинальные изменения образа жизни, обусловленные навязыванием западных образцов демократизации и либерализации всех аспектов общественных отношений, привели к дезориентации в базовых ценностных ориентирах, к кризису нравственных оснований культуры.

Эпоха перемен, в этом контексте, характеризуется попытками различных политических сил наполнить идейный вакуум конструируемым содержанием, соответствующим их отношению к происходящему в обществе. В условиях духовного кризиса и политического плюрализма эти силы делают ставку на самые «укорененные», «базовые» потребности общества, характеризующиеся состоянием сытости и удовлетворенности от зрелищности окружающего. Это привело к появлению общества потребителей. Как отмечают специалисты ВЦИОМ по итогам исследований 2022 года: «современное поколение ломает стереотип о том, что молодежь меняет мир: нет, она этого не хочет, она хочет просто жить спокойно и благополучно»². Свобода и справедливость в таком обществе заключены в возможности расслабленного существования в мире непрекращающегося «шоу», тотального комфорта и иллюзий благополучия. Закон и юрист становятся неотъемлемыми частями этого шоу, они не определяют и не регулируют правила жизни, а подстраиваются под них, поощряя сытость (сытых) и зрелищность (шоу в СМИ, в семье, образовании, политике).

Свобода и справедливость в этом обществе — вечный праздник без осознания последствий и ответственности. Главный принцип праздника — ярче, громче, необычнее, чтоб поражало, шокировало. Чем ярче, тем свободнее, чем парадоксальнее, тем справедливее. В этом принципе находят свое право на существование различные пороки человечества — наглость, жадность, развращенность, подлость, предательство и др. Потребительство — путь в пропасть, к которой общество уже подошло. Любой праздник — это еще и финансовые издержки. Хорошее шоу — дорогое. Свобода и справедливость, таким образом, становятся в один ряд с финансовыми ресурсами общества потребления и живут по законам рынка. Кто платит, тот и определяет меру свободы и критерии справедливости.

В этом аукционном плюрализме теряет себя и система профессионального образования. Размывается ее главная цель-ценность — подготовка профессионала, для юридического образования — юриста, защитника закона и интересов личности. За этими внешне привычными тезисами кроется отсутствие их смысловой наполненности. Интересы какой личности должен оберегать юрист? Видимо, абстрактной, усредненной, но нет усредненных людей с усредненными интересами. Является ли закон главным объектом защиты? Ведь он не самоцель для человека, а лишь средство. Но средство для чего? Что общество хочет достичь, опираясь на закон? Ответы на эти вопросы должна дать общая идеология.

Идеология для образования является весьма актуальной темой для исследований в условиях современного быстро меняющегося общества³. Казалось бы, очевидно, что во все времена все люди стремятся к свободе, считают ее одной из высших ценностей и целей человеческой жизни. Свобода, будучи желаемым благом для большинства, становится, таким образом, важной системообразующей идеей всех существующих политических идеологий. Они, опираясь на привлекательность данной идеи, формируют социальную основу определенных политических моделей и идеалов преобразования общества.

¹ Ивашевский С. Л. Политическая идеология и образование: опыт и перспективы взаимодействия: монография. Нижний Новгород, 2010; Ivashevskii S. L. Education and ideology // Russian Education and Society. 2011. Т. 53. № 6. С. 42—48.

² Касамара В. Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи. URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi> (дата обращения: 02.11.2022).

³ Ивашевский С. Л. Образовательная культура в аспекте ценностно-нормативного подхода // Вопросы культурологии. 2007. № 9. С. 28—30.

Для традиционных западных политических идеологий свобода — это, прежде всего, совокупность субъективно важных для человека материальных и нематериальных факторов, необходимых для ощущения чувства физической и моральной раскованности. Именно эта ориентация на раскованность породила современное общество потребления, общество индивидуализма и безответственности. В сложившихся общественных стереотипах понимание свободы — это наличие права выбора, независимость в действиях от чье-то мнения, интереса.

Распространившиеся после распада СССР в нашем идеологическом пространстве идеи западного либерализма завлекли многих провозглашением приоритетов свободы и прав человека. Людям была предложена идея свободы, она очаровала многих своими иностранными интерпретациями¹. Множественность выбора, индивидуальность и независимость в выборе — основа либерализма. Высшими ценностями объявляются человек, его права, свободы и ценности, а государство действует, выступая в роли их защитника и создателя условий для благоприятной жизнедеятельности личности. Эти идеи породили уверенность человека в своих возможностях в эпоху Нового времени и привели к формированию самоуверенности и культа своей исключительности в эпоху современную. При этом разумного основания для критериев, границ, правил свободной жизни не появилось. Свобода превратилась в самоценность, в существование человека ради существования, приобрела ярко выраженный декларативный характер, без сущностного наполнения фундаментальными культурными ценностями.

Современные политические идеологии превратили эту ценность в предмет манипуляций общественным сознанием. Государственные чиновники западных «демократий» своими решениями определяют, как свободу представить общественному сознанию, какая ее трактовка более выгодна в данный момент для политической и бизнес-элит. В этом мы усматриваем глубинный кризис всех традиционных западных идеологий.

Другим «парадоксом» современных идеологий является их претензия на движение к более совершенному миру при отсутствии образа такового, понимания сущности лучшего, в отличиях от уже имеющегося. Любая идеология призвана совершенствовать постановку и реализацию целей, а также выделять мысленные перспективы последующего развития. Достижение желаемого состояния обусловлено возникновением идеологических образов будущего. Идеология таким образом формирует потребности, направляет в будущее и определяет пути его достижения. Актуальность будущего заключается в его идеологической определенности.

В условиях кризиса всех традиционных политических идеологий, уже доказавших свою несостоятельность при решении насущных проблем человечества, возникает объективный запрос на становление новой системы ценностей, идей и убеждений — новой идеологии, способной соответствовать действительным интересам современного человека и современного общества. В качестве основания такой идеологии в России нам видится национальная духовно-нравственная культура, как совокупность лучшего из созданного представителями нашего народа, апробированного историческим опытом и уже доказавшего свою состоятельность при решении сложных проблем.

Духовно-нравственная культура динамична, подвержена влияниям различных внешних факторов и требует крайне внимательного к себе отношения. Ее современное состояние не идеально. Попав под пресс западных политических идеологий и ценностей массовой культуры, наша духовно-нравственная составляющая жизни оказалась серьезно искаженной. Многие люди стали черствыми, эгоистичными, безразличными к проблемам страны и близких людей.

Это актуализирует задачу духовного обновления нашего общества на принципах национально ориентированной государственной идеологии. Очевидно, что задачи духовного возрождения могут быть решены только с помощью идеологически целостной системы всех социализирующих институтов. Образование среди них занимает особое место, оно хранит пережитый опыт человечества, выступая основой для определения целей-ценностей общественного развития. В опыте национальной образовательной культуры права и свободы человека, право и справедливость могут приобрести свою смысловую конкретизацию, соответствующую особенностям исторического развития, традициям конкретного социума. При этом необходимо признать, что основа образовательной культуры всегда заключена в нацеленности на развитие, на совершенствование, духовный прогресс человека и общества. Как утверждают российские ученые: «во все исторические периоды

¹ Дугин А. Запад как идеология и наш русский ответ. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/zapad-kak-ideologiya-i-nash-russkiy-otvet> (дата обращения: 15.10.2022).

роль духовно-нравственной культуры, ее традиционных смыслов и ценностей в воспитании детей, подростков и молодежи в русском мире всегда была определяющей. Система отечественного образования (воспитания) опиралась на мощное историческое основание духовной культуры русского мира»¹.

Национальная духовная традиция становится в современных условиях маяком, позволяющим не заблудиться индивиду в океане жестокости и несправедливости, становится новой идеологией нашего общества. Все проекты, определяющие будущее России, должны основываться на выработанных национальной культурой смыслах, которые, оформившись в политические решения, правовые нормы и принципы, обеспечат сохранение традиционной самобытности и развитие страны, определяют направление и характер модернизации российского общества.

Супрунов Александр Германович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе);

Васильев Вячеслав Вениаминович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры ПДСПОП Нижегородской академии МВД России, доцент ИДО Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова

Юридическое образование и правовая культура как краеугольные камни для обучения и воспитания российского полицейского

В 2011 году был принят Государственной Думой Российской Федерации, подписан Президентом России и вступил в силу Федеральный закон «О полиции». В данном законодательном акте впервые в истории отечественного правоохранительно направленного законодательства в качестве самостоятельной главы Закона были закреплены основополагающие идеи (принципы), которыми российская полиция обязана руководствоваться в рамках реализации своих властных правоохранительных и правоприменительных полномочий по защите прав, свобод, законных интересов физических и юридических лиц, а также противодействия преступности. В частности, диспозицией части 2 статьи 9 Федерального закона «О полиции», регламентирующей общественное доверие к полиции и доверие граждан к деятельности ее сотрудников, императивно закрепляется требование того, что «действия сотрудников полиции должны быть обоснованными и понятными для граждан»². Основываясь на таком закреплённом на федеральном законодательном уровне требовании к деятельности правоохранительной активности российской полиции и ее сотрудников, мы полагаем возможным вести речь о том, что текущая оперативно-служебная деятельность полиции, ее служб и подразделений, личного состава полиции должны соответствовать двум базисным критериям:

- юридическая грамотность, обоснованность и, непременно, законность всех действий сотрудников полиции как в рамках осуществления ими своих служебных полномочий, так и за их пределами;
- правовая и общегуманитарная культура всей публично-правовой деятельности отечественной полиции и ее сотрудников.

В связи требованием основополагающего законодательного акта, к тому же облеченного в форму принципа — «руководящего начала определенной деятельности...», мы считаем возможным и необходимым поставить вопросы о том, насколько обязательным является наличие у сотрудника полиции юридического образования и как определить достаточность уровня правовой и общественной культуры, который должен присутствовать у представителя территориального органа внутренних дел (полиции). Ответ на первую половину данного вопроса мы находим достаточно

¹ Егорычев А. М., Мардахаев Л. В. Духовные ценности в русском мире: условия выживания и развития в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 6 (814). С. 65.

² См.: О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

легко — наше обращение к нормам федерального закона, регламентирующего службу в органах внутренних дел, указывает на статью 9, закрепляющую квалификационные требования к различным категориям сотрудников ОВД (полиции)¹. В частности, императивное требование о наличии высшего юридического образования предъявляется лишь к сотрудникам, обладающим специальными административно-юрисдикционными полномочиями. Одновременно с этим, российский законодатель предусмотрел, что наличие исключительных обстоятельств и опыта соответствующей деятельности у сотрудника делает возможным реализацию им административной и административно-юрисдикционной деятельности при наличии иного, неюридического высшего образования. В связи с этим М. А. Кожевина вполне резонно отмечает, что «профессионализм полиции в первую очередь связан с теми требованиями, которые предъявляются социумом к соответствующему профессиональному сообществу»².

Требования к правовой и общесоциальной культуре сотрудника полиции закрепления на высшем законодательном уровне не получили и укладываются в общеупотребительную парадигму, требующую проявления сотрудником полиции культуры и вежливости при обращении и общении с гражданами. Нам кажется достаточно интересным мнение, высказанное И. И. Беседа, что специфика правовой культуры сотрудника полиции в том, что ее «содержание в первую очередь ориентировано на борьбу с общественно опасными деяниями, что откладывает отпечаток на восприятии правовой реальности»³. Соответственно, для того, чтобы сотрудник ОВД (полиции) мог не только юридически грамотно оценить реально складывающуюся на месте ситуацию, выявить признаки нарушения правовых предписаний либо отсутствие таковых, он должен в полной мере быть вооружен и юридическими знаниями, и правовой культурой.

Отечественный законодатель, формулируя квалификационные требования к образовательному уровню сотрудников органов внутренних дел (полиции), в качестве приоритетного выдвигает требование о наличии у сотрудников, занимающих должности среднего начальствующего состава, образования не ниже средне-специального при условии, что оно соответствует направлению оперативно-служебной деятельности сотрудника. К старшему и высшему начальствующему составу предъявляются аналогичного порядка требования с той поправкой, что образование сотрудника ОВД (полиции) должно быть высшим. Вновь вопрос об обязательности наличия у любого представителя правовой культуры соответствующего уровня воспитанности и прочего остается без внимания и законодательного закрепления.

В настоящее время и среди исследователей теории педагогической науки и теории профессионального (нас интересует, прежде всего, его правоохранительная составляющая) образования не прекращается дискуссия о возможности, и, что гораздо более важно, эффективности задействования выпускников непрофильных вузов и средне-специальных образовательных организаций для службы в ОВД на должностях, связанных с охраной общественного порядка, и противодействия преступной деятельности⁴.

Отталкиваясь от названия данного краткого исследования проблематики непрерывного воспитательно-обучающего воздействия на российского полицейского, мы полагаем, что в качестве своеобразного краеугольного камня для законченного формирования и последующего поддержания на должном уровне личности современного сотрудника полиции выступает наличие у него юридических знаний, позволяющих осуществлять свою служебную деятельность, и правовой культуры как залога принятия обоснованных решений и доверия населения к ним. Именно грамотная интеграция одновременно нескольких составляющих, формирующий внутренний мир современного

---

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ч. I, ст. 7020.

² Кожевина М. А. Профессиональное образование в истории российской полиции (1718 — начало 2000 годов) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 38.

³ Беседа И. И. Пути повышения правовой культуры сотрудников органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 95.

⁴ См., напр.: Бобров А. М. Поступление на государственную службу в органы внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов 2011; Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сборник научных трудов II Международной конференции / под ред. А. В. Кравченко. Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018.

сотрудника ОВД в вузе МВД России, позволяет сформировать личность ответственного правоохранителя. К числу таких составляющих мы считаем необходимым отнести:

— наличие у него юридических знаний (начальных для младшего начальствующего состава, обеспечивающего охрану правопорядка, не ниже, чем средне-профессиональных — для сотрудников, непосредственно разрешающих задачи охраны правопорядка и противодействия преступности, и высшего образования для старшего и высшего начсостава ОВД);

— полнообъемное освоение обучающимися образовательной организации системы МВД России воспитательных программ ОПОП и ОППО;

— поддержание в течение всего периода службы выпускника образовательной организации МВД России должного уровня правовой культуры, что достигается системным получением сотрудником полиции дополнительного профессионального образования.

В заключении считаем необходимым указать на непреложный факт, что лишь сочетание юридических знаний и правовой культуры в каждом отдельно взятом сотруднике ОВД (полиции) является залогом успешной правоохранительной деятельности всей системы МВД России и его территориальных органов.

Сулима Игорь Иванович,

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

Мировоззренческие основы юридического образования

Образование всегда находилось в двойственном положении. С одной стороны, оно не нуждается в каком-либо обосновании, объяснении, поддержке, защите. Образование — форма бытия человека, оно возникло с возникновением человека и объективно играет в его жизни все большую роль. Образование как форму бытия человека, как социальный институт нельзя отменить, закрыть, ликвидировать. Образование выражает человеческую сущность¹. Современная педагогическая наука активно обосновывает концепт «образования через всю жизнь», активно развивается концепция непрерывного образования². С другой стороны, образование нуждается в обосновании новых принципов своего развития, которые были бы сообразны изменяющейся культуре, изменяющемуся обществу, природе человека. Философская антропология не дала ответа на вопрос, меняется ли природа человека. Однако взгляды на природу человека трансформируются, чему должно соответствовать образование. В этой связи в XX веке возникает философия образования как реакция на возрастающую роль образования в судьбе человека и как ответ на необходимость обоснования природы образования и концептуализации его связи с сущностью и перспективами бытия человека.

Одновременно в ходе усложнения общественных отношений в ходе исчерпания традиционных (вдобавок весьма мифологизированных) форм политического устройства возрастает роль философского осмысления сущностей, концептуального обоснования институтов. Образование, в частности, нуждается в переосмыслении и новой концептуализации, в новом онтологическом, антропологическом, идеологическом осмыслении. Социальная мысль показывает, что первая четверть XXI века — время правовой идеологии. Современные социальные институты разносторонне регулируются правом. Право через нормы-дефиниции берет на себя функцию непростой государственной регуляции, обеспечиваемой государственным принуждением или его возможностью, а функцию определения сущностей, поименовывания субстанций, формулирования категорий, экспликации ценностей. Право через акты высших судов дает единственно верную (с юридической

¹ См.: Колесникова И. А. Педагогическое вопрошание о человеке будущего // Непрерывное образование: XXI век. 2015. Вып. 2 (10); Козлова Т. А. Потенциал феноменологического подхода для человека и образования // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 1. С. 55—61.

² См.: Бабакова Т. А., Левина О. Р. Открытый университет как феномен образования взрослых // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 2 (14); Колесникова И. А. Концептосфера непрерывного образования: логика и методология изучения // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 3 (15); Колесникова И. А. Непрерывное образование как феномен XXI века: новые ракурсы исследования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 1; Куц В. А. Непрерывное образование как защита от непрерывных вызовов цивилизации (техно-гуманитарное исследование) // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 3.

точки зрения) интерпретацию содержания и сущности социальных отношений. В этом контексте правовая идеология не только совокупность мировоззренческих установок, отражающих видение личностью права, его основных целей, социокультурного и регулятивного потенциала, его роли в развитии культуры и институтов общества, роли в определении векторов развития общества, его участия в формировании ценностей. В современном социокультурном контексте правовая идеология — совокупность мировоззренческих установок, отражающих видение личности и ее статуса. Правовая идеология становится фактически универсальным зеркалом современного многогранно-нестабильного общества и отражает реальный баланс интересов, расстановку сил, систему ценностей. В этой связи сложились объективные условия для взаимного интереса философии к правовой идеологии и интереса правовой идеологии к философии.

Обращение к правовой идеологии актуально в переходные, нестабильные времена, так как правовая идеология способна «армировать» общество, стабилизировать развитие некоторых ценностных установок. Правовая идеология востребована тогда, когда обществу недостаточно формальной реализации регулирующей функции права. Обычно это связано с высокой и одновременно разновекторной динамикой ценностей и механизмов регулирования общественных отношений, недостаточностью сложившихся механизмов стабилизации социальных институтов, уравнивания интересов. Конечно, правовая идеология, закрепленная в нормах права (в том числе в доктринах, концепциях, основах политики) будет отражать позицию правящей группы, ее ценности и стратегические планы, что естественно, поэтому потребность общества в идеологической ясности удовлетворена лишь частично, и всегда существует источник борьбы за содержание права¹. И эта борьба прежде всего разворачивается не за отстаивание тех или иных правовых механизмов, а за ценности, отраженные и закрепленные нормативно.

Современность представляет собой время нестабильности. Кроме экономических и военно-политических, существует еще ряд причин этой нестабильности, которым уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание в философско-антропологических исследованиях, работах, посвященных исследованиям динамики мировоззрения. В частности, причинами современной нестабильности в мире являются следующие обстоятельства: конфликт культур, доведенный до ненависти, низкая культура разрешения конфликтов, высокий уровень нетерпимости к инаковости, крайне низкий уровень жизни отдельных групп людей, доминирование в сознании мысли о социальной и материальной бесперспективности существования, сопряженное с отсутствием в повседневной жизни ценностей и перспектив их достижения, очень высокий уровень неравенства. Эти причины поддерживаются массовой культурой, информационной средой (в которой все больше «информационного шума»), современной культурой постмодерна, опирающейся на безоценочность, внекритериальность, бесценностность и, в конечном счете, — бесцельность.

Правовая идеология эффективна и перспективна тогда, когда мировоззренческие позиции, закрепленные в нормах права, становятся содержанием образования (и обучения, и воспитания) и транслируются образованием в социуме в ходе работы с молодежью. В этой связи для развития гуманитарных наук и воспитательной практики актуальны исследования по следующим направлениям:

- изучение сущности и специфики современного образования;
- рассмотрение в контексте философской антропологии и теории воспитания характеристик формирования мировоззрения учащихся в современном образовании;
- рассмотрение мировоззренческих ориентиров в современном гуманитарном (в частности, юридическом) образовании;
- анализ мировоззренческих характеристик правовой идеологии.

Анализ корпуса современных гуманитарных исследований показывает, что по указанным направлениям исследования идут, но, исследования правовой идеологии как мировоззренческой основы образования (в том числе в первую очередь юридического и исторического, как критически важных с социально-аксиологической точки зрения) не образуют системы, не имеют концептуально обоснованной специфики философско-методологической базы.

Выделяются современные труды, выявляющие специфику современного образования (в том числе гуманитарного, Е. В. Плисов и др.²). Это направление представлено работами Ю. Р. Виш-

¹ См.: Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права: монография. Нижний Новгород: НА МВД России, 2008. 202 с.

² См.: Sokolova M., Plisov E. Cross-linguistic transfer classroom L3 acquisition in university setting // Vestnik of Minin University. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 6.

невского, Л. Н. Банниковой, В. В. Запария, Г. Е. Зборовского¹, исследованиями Н. Д. Никандрова, Н. М. Берулава, Ю. В. Сенькова, В. М. Сырых, Ч. Б. Далецкого, пронизанными мыслью о роли гуманитарной культуры в образовании², Ю. С. Давыдова, А. Ю. Давыдова, определяющих современные тенденции развития образования³. Методологическую значимость имеют в этом постмодернистски «рыхлом» контексте фундаментальные труды С. Л. Ивашевского⁴.

Характеристики формирования мировоззрения учащихся в современном образовании в контексте неоднозначных мировоззренческих тенденций в последние годы изучала Ю. Н. Сушкова⁵, религиозное (светское) мировоззрение учащихся рассматривали А. В. Бабушкин, С. А. Бурьянов, В. В. Луховицкий, С. А. Мозговой, М. Н. Ситников⁶.

Политико-юридические аспекты мировоззрения и специфику подготовки специалистов отдельных направлений гуманитарной подготовки разобрали А. И. Бардаков, А. Ф. Поломошнов⁷, формирование современной правовой культуры и правосознания Е. М. Павленко⁸, аспекты идеологического характера анализировала Т. И. Мармазова⁹.

Собственно аспекты юридического образования в последние годы исследовали в плане перспектив Р. Ф. Степаненко и А. В. Солдатова¹⁰, в контексте задач по воспитанию гражданственности И. С. Еремина¹¹.

На наш взгляд, методологически продуктивно использовать инструментальный потенциал философии образования и философской антропологии для исследования проблем мировоззренческих основ гуманитарного (прежде всего — юридического и исторического) образования. Общий анализ показывает, что в целом в современных исследованиях, посвященных тематике формирования мировоззренческих основ жизненной позиции учащихся (в том числе на основе изучения таких гуманитарных дисциплин, как юриспруденция, история, политология, социология) методологически ясного и аргументированного антропологического акцента нет.

Правовая идеология определяет в исследовательской и практической деятельности по формированию мировоззрения учащихся опору на нормативные правовые акты. В этой связи актуально обращение в исследовательской и воспитательной практике к Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹². Указ важен для понимания того, что определяется как традиционные ценности. Категорийная четкость методоло-

¹ См.: Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 696 с.

² См.: Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Международные Лихачевские научные чтения. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2003. 230 с.

³ Давыдов Ю. С., Давыдов А. Ю. Глобализация и новые тенденции развития российского образования // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. Доклады. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2010. С. 506—508.

⁴ См.: Ivashevskii S. L. Education and ideology // Russian Education and Society. 2011. Vol. 53. No. 6. Pp. 42—48.

⁵ См.: Сушкова Ю. Н. Мультикультурализм как мировоззренческая основа защиты прав человека // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саратов: «Саратовский источник», 2022. С. 118—134.

⁶ См.: Бабушкин А. В., Бурьянов С. А., Луховицкий В. В., Мозговой С. А., Ситников М. Н. Свобода убеждений, совести и религии в современной России. Специализированный информационно-аналитический доклад: монография. Москва: МСХ. 2007. 272 с.

⁷ См.: Бардаков А. И., Поломошнов А. Ф. Социальная философия — основа политического мировоззрения. Волгоград: ВФ РАНХиГС, 2014. 224 с.

⁸ См.: Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 202 с.

⁹ См.: Мармазова Т. И. Пути усовершенствования политических отношений в транзитивных обществах // Гилея: научный вестник. 2013. № 72. С. 787—792.

¹⁰ См.: Степаненко Р. Ф., Солдатова А. В. Правокультурные процессы в юридическом образовании: проблемы и перспективы // Вестник ТИСБИ. 2021. № 2. С. 5—12.

¹¹ См.: Еремина И. С. Педагогическое управление становлением гражданственности будущих специалистов в образовательной системе вуза: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2015. 366 с.

¹² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание Законодательства РФ. 2022. Вып. 46, ст. 7977.

гически важна, в том числе в процессе исследования формирования мировоззрения учащихся. Спецификой правовой идеологии является то, что категория, закрепленная нормативно, является отправной точкой мышления об объекте исследования. В этой связи категоричная дискуссия остановилась на понимании того, что традиционные ценности — это «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». На наш взгляд, перспективным с научной точки зрения для теории и практики формирования мировоззрения учащихся будет дальнейшее исследование традиционных ценностей в контексте диалектического отрицания, в контексте отношений традиции и модерна, в контексте перехода модерна в постмодерн. Бытовое понимание традиционного и нетрадиционного, попавшее в право по идеологическим причинам не должно деформировать научное понимание диалектики традиции и инновации, сложившееся в диалектико-материалистической философии.

Парилов Олег Викторович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Национальная идеология и будущее российского высшего образования

В 2022 году руководители российского высшего образования заявили о выходе России из Болонской системы. Девятнадцатилетняя эпоха механического встраивания отечественного образования под западную модель, хочется верить, закончена. Изначально реформа носила откровенный антинациональный, антигосударственный характер¹. Очевидно, нас ждет очередная революционная перестройка.

Новая образовательная реформа после выхода из Болонского процесса чревата повторением ошибок прошлого. Первая опасность — извечная российская болезнь метания из крайности в крайность: образовательная реформа может в очередной раз превратиться в широкомасштабную кампанию радикального обновления всей образовательной системы к определенному сроку. Еще одна старая болезнь — формализм и бюрократизация. И то, и другое приведет к тому, что вузы в очередной раз утонут в потоке бессмысленных, абсолютно ненужных для образовательного процесса документов. Уже сегодня некоторые исследователи, пытающиеся предсказать будущее отечественного высшего образования, подходят к вопросу исключительно формально, сводя реформу к отмене двухуровневого образования и возвращению к одноуровневому. При этом содержательная сторона обновления образовательной системы их вовсе не интересует. По моему убеждению, двухуровневая или одноуровневая система — это вопрос второстепенный, формальный. Здесь не нужны никаких радикальных отмен. Большинство вузов, перейдя на бакалавриат и магистратуру, при этом не отказались и от специалитета. Однако, считаем насущно необходимым ужесточить требования к магистерской подготовке. Необходимы более серьезные вступительные испытания в магистратуру (на сегодняшний день магистрантом может стать любой заплативший за учебу). Надо также повысить требования к магистерской диссертации (в настоящее время она принципиально не отличается от ВКР бакалавриата). Магистерская диссертация, как результат годового ликбеза, в принципе не может быть качественной. Но главное, необходимо, чтобы условием поступления в магистратуру было наличие базового образования (бакалавриат или специалитет) именно по данному направлению подготовки. В противном случае магистратура по-прежнему останется институтом, дискредитирующим саму идею элитного образования.

Есть опасность дальнейшего развития еще одной нездоровой тенденции — ориентироваться на чуждые, заимствованные критерии при оценке научно-педагогического уровня сотрудников высшего образования. В силу известных политических причин мы отказались от западной наукометрии (публикации *Scopus*, *Web of Science*). Сегодня в Петербурге предлагают привязать нашу

¹ Парилов О. В., Кузнецов А. П. Совершенствование качества вузовской подготовки юристов (обзор межвузовской научно-методической конференции) // Юридическое образование и наука. 2002. № 3.

систему образования к наукометрии КНР. Понятно возмущение С. Бабурина — будто мы не можем создать национальной наукометрии: «Зачем нам, освободившись из плена Запада, сдаваться заранее в плен Востока»? На наш взгляд, нет никакой необходимости что-то изобретать: есть внятные сложившиеся критерии оценки научной деятельности педагога — публикации статей в рейтинговых научных журналах (списка ВАК), монографий в рейтинговых издательствах, индекс Хирша. Его западное происхождение не важно, значимо то, что он имеет универсальный характер, учитывает ключевые показатели — публикационную активность педагога и востребованность его идей (количество цитирований). Кстати, при оценке можно учитывать дифференциацию публикаций и цитирований по значимости, которую в автоматическом режиме осуществляет система *elibrary*.

В современную чрезвычайно изменчивую эпоху радикально должна измениться и образовательная политика. Исследователями установлено, что сегодня качественный скачок в развитии науки и технологий, динамики социальной действительности происходит приблизительно раз в пять лет. Из этого следует, что знания, полученные на студенческой скамье, устаревают после окончания вуза. Взгляд на вуз как на центр, транслирующий студенту знания, пригодные для использования на протяжении всей его профессиональной карьеры, безнадежно устарел. Сегодня получение диплома — не конечная станция, а отправная точка для дальнейшего усвоения и обновления знаний и умений. Взгляд на учителя как на гуру, который научит всему необходимому для профессиональной деятельности, в корне не верен. В силу быстроменяющейся действительности такой гуру в принципе невозможен. Поэтому задача вуза и педагога на современном этапе — помочь студенту в его становлении как личности и научить его самостоятельно добывать информацию и творчески применять ее на практике; сформировать в человеке установку и потребность учиться на протяжении всей жизни. Это особенно актуально для юридического высшего образования. Тектонические трансформации современной российской действительности: проведение специальной военной операции, присоединение к нашей стране новых крупных регионов и так далее — настоятельно требуют законодательной регламентации всех этих принципиально новых процессов; адекватной, идущей в ногу со временем правоприменительной практики.

Для реализации высшей задачи — телеологической определенности, предполагающей ясные ответы на базовые вопросы призвания выпускника высшей школы, жизненно необходима скрепляющая нацию идеология. Статья 13 Конституции Российской Федерации по-прежнему актуальна, поэтому де-юре такая идеология невозможна. Но де-факто она не просто нужна, но и реально артикулируется в настоящее время: патриотизм, любовь к своей стране и народу; защита России от агрессии той цивилизации, которая в течение последних десятилетий играла для нас роль ценностного ориентира, а сегодня сама разрушает даже те ценности, которые проповедовала на протяжении Нового и Новейшего времени (демократизм, равенство, святость права, неприкосновенность частной собственности). Кроме того, сегодня оформляется и глобальная задача России, своего рода, национальная идея, которая, впрочем, была сформулирована русскими философи-традиционалистами еще в XIX — начале XX веков (Н. Данилевским, К. Леонтьевым, евразийцами): построение новой России как центра многополярного мира. В этой связи образовательным ориентиром должна стать идея поликультурности, предполагающая, с одной стороны, открытость миру, уважение культуры иных цивилизаций и народов; с другой, — ориентир на национальную российскую культуру². Образовательная политика должна сочетать интеграцию национальной образовательной системы в глобальное высшее образование с сохранением за образованием функции самостоятельной исторической ценности и инструмента поддержания национальной и культурной идентичности³. Если говорить конкретно о сверхзадаче выпускника юридического вуза, то таковой должна стать защита базовых абсолютных ценностей справедливости и истины. Юрист (следователь, прокурор, адвокат), равнодушный к своей стране и фундаментальным ценностям истины и справедливости, сосредоточенный исключительно на своих эгоистических интересах, по-

¹ Бабурин С. Образование в ценностных приоритетах обновляющегося российского государства // Россия в XXI веке: образование как важный цивилизационный институт развития и формирования российской культурно-исторической идентичности: сборник XXX Моисеевских чтений. Москва, 2022. С. 33.

² Парилев О. В. Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород: НГПУ, 2000.

³ См.: Харкевич М. В. Глобализация и высшее образование: возможности для России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 270.

лучив знания в области права и власть, способен стать мощным коррупционным разрушительным фактором. Итак, не отрицая совсем неолиберальных, западных по своему происхождению ценностей личностного самовыражения, гражданских свобод и материального достатка, необходимо признать, что они не должны быть определяющими. В противном случае разговоры о патриотизме окажутся пустыми, в реальности же, по-прежнему актуальным будет образ «гражданина мира», не прикрепленного к национальной почве эгоиста.

Значимы и иные задачи высшей школы: возрождение академизма и фундаментальности, которые составляли «несомненное преимущество советской школы»¹, приближение образования к практике, «взаимодействие с работодателями»², а также информатизация, цифровизация высшей школы, необходимые для обеспечения конкурентоспособности на международном уровне.

Денисова Любовь Владиленовна,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры теории и методологии государственного
управления Академии управления МВД России

Дифференциация и интеграция в современной юридической науке

Процессы дифференциации и интеграции в науке обсуждаются как с точки зрения роста научного знания, так и с точки зрения развития институционального бытия науки. Именно последний аспект является предметом нашего рассмотрения. Становление науки как социального института связано не только в развитием организационных структур и оформлением научных сообществ. Важным показателем институционализации является самоопределение научных отраслей и специальностей, которое завершает выделение предметной области классов и видов наук. Юриспруденция не является исключением, а вопрос об этапах становления юридической научной отрасли до сих пор не решен окончательно. В контексте развития истории юридической науки остается неясным пункт, который можно было бы считать началом поступательного развития юридической науки. Одной из таких точек можно считать деятельность болонских глоссаторов (XI в.), которые не только обучали, но, в первую очередь, изучали (комментировали и интерпретировали) римское частное право, опираясь на свод Юстиниана³. Эта работа, которая проводилась в старейшем европейском университете города Болоньи, безусловно, может рассматриваться как один из первых опытов создания нового юридического социально-гуманитарного научного знания, которое впоследствии институционализировалось в научную отрасль, именуемую цивилистикой.

Институциональное разделение научных отраслей имеет две формы выражения. С одной стороны, углубление и расширение получаемых знаний внутри уже сложившейся отрасли науки приводит к дроблению ее предметной области и образованию специализированных научных дисциплин. С другой стороны, возникновение новых отраслей науки возможно на «стыке», пересечении предметных областей и в процессе решения междисциплинарных проблем. В юриспруденции наблюдаются обе эти формы. Так, дробление науки, предметом которой является уголовно-правовое регулирование, привело к выделению наук об уголовном процессе, об оперативно-разыскной деятельности и т. д. А на стыке юридического и технического знания появилась криминалистика.

Разделение, то есть дифференциация научных отраслей в юриспруденции достигла своего апогея к началу XXI столетия и потребовала существенной трансформации юридической науки. Начались болезненные процессы интеграции, отразившиеся в объединении научных специальностей в юридических исследованиях.

Одним из механизмов государственного управления наукой является регулирование научной деятельности с помощью нормативных правовых актов. Важным инструментом здесь выступает

---

¹ Ситников А. В. Глобализация, современное общество и цели образования в России // Право и образование. Москва, 2004. № 6. С. 105.

² Мутко В. Л., Цветков С. А., Таймазов А. В., Антипов М. Л. Глобализация как фактор трансформации системы высшего образования в России // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2008. № 9 (43). С. 63.

³ Синченко Г. Ч. Средневековая заря университетской юриспруденции // Парадокс правоблудителя. Философско-правовые эссе. Омск, 2010. С. 90—108.

утверждение списка научных специальностей, по которым производится защита квалификационных научных продуктов в виде диссертаций на соискание ученых степеней. В апреле 2021 года Министерство юстиции Российской Федерации зарегистрировало Приказ Минобрнауки от 24 февраля 2021 года № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». Изучая новый список юридических специальностей, легко заметить, что произошли важные, принципиальные изменения в перечне научных специальностей наук, изучающих право.

В качестве причин, побудивших законодателя к внесению изменений в номенклатуру научных специальностей, аналитики отмечают, во-первых, неостребованность ряда научных специальностей Номенклатуры 2017 и, во-вторых, продолжительное отсутствие защит диссертаций по отдельным научным специальностям¹. Однако, легко заметить, что эти причины не наблюдались в отношении специальностей юридической отрасли науки.

В то же время нельзя сбрасывать со счета тот факт, что наука представляет собой социальный институт как организационную структуру, поэтому за трансформациями в самоопределении научных отраслей стоят научные сообщества, имеющие свои представления о предметной специфике научных исследований. Эти взгляды и интересы в совокупности представляют собой идеологические конструкции. Другими словами, институциональные внутринаучные изменения обусловлены, на наш взгляд, тенденциями, отраженными в научной идеологии. Это же относится и к изменениям, происходящим в юридическом образовании.

Как известно, любая идеология отражает интересы социальных общностей, а изменения в институциональной научной сфере следует связывать не столько с правовой, сколько с «научной» идеологией. По аналогии с правовой идеологией можно говорить об идеологии в науке, которая определяет цели научного сообщества, его роль в жизни общества, представление о ценности науки и ее роли в общественных процессах. «Правовая идеология в общеправовом плане представляет собой лишь те знания, которые соответствуют достижению *целевой установки, определяемой конкретными социальными интересами*»².

Современная наука отмечена распространением прикладных исследований, следствием чего становится все более тесное сотрудничество науки как института и государства, науки и коммерческих структур. Еще один результат такого взаимодействия — это отражение интересов научных сообществ в правовой идеологии, что и приводит к принимаемым на государственном уровне решениям. «Формируемые правовой идеологией ценностно-целевые структуры задают рамки восприятия юридических институтов и видов юридической деятельности со стороны профессионального и общественного сознания», — считает А. М. Михайлов³. Взаимодействие науки и государства наиболее явственно проявляется в сфере образования. Подготовка научно-педагогических кадров становится ареной, на которой разворачивается драма дифференцирующих и интегрирующих процессов в науке, находящих отражение в номенклатуре научных специальностей. Предложения внести обновление в номенклатуру очень часто мотивировались именно необходимостью повышения качества диссертационных исследований⁴.

Вывод. Есть все основания полагать, что волевое решение законодателя обусловлено все же не внешними вненаучными влияниями, а скорее интересами самих научных сообществ, которые становятся факторами, определяющими тенденции межпредметного взаимодействия, на основе которого рождаются новые образы собственной научной отрасли. В этот контекст вполне вписывается институциональная перестройка юридической науки, которая отражает и реальные процессы интеграции знания, и сохранение обособленности отдельных предметных областей этой же науки.

¹ Пахомов С. И., Гуртов В. А., Стасевич А. В. Введение новой номенклатуры научных специальностей в России: преемственность и новации // Образование и наука. Т. 23. № 8. 2021. С. 11—36.

² Реуф В. М., Сальников П. П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник академии экономической безопасности. 2010. № 3. С. 89.

³ Михайлов А. М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник РУДН. 2017. С. 356.

⁴ Бордовская Н. В. Обновление паспортов и номенклатуры научных специальностей по педагогике как условие повышения качества педагогических исследований // Педагогика. 2018. № 5. С. 3—13.

Ворохобов Александр Владимирович,
доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Магистральные тенденции современной философии права

Последние десятилетия прошлого века являются периодом значительных изменений, происходящих в области философии и теории права¹. В XX веке философия и теория права переживали свой наивысший расцвет. Такое положение вещей продолжалось как минимум до семидесятых годов прошлого века. Презумпции современной философии права формировались в резкой оппозиции к моделям XIX века. Критике подверглись в основном все направления, действовавшие в то время, прежде всего: историческая и аналитическая юриспруденция в варианте, предложенном Дж. Остином, континентальный юридический позитивизм и, наконец, нео-схоластические концепции естественного права. Критический анализ проводился авторами проекта «Современная философия права» прежде всего с рационалистических позиций. Рационалистический или рационалистически-аналитический характер будут иметь современные представления о естественном праве, критический позитивизм, практиковавшийся Г. Кельзеном и Х. Л. А. Хартом, а также так называемая аналитическая школа, представленная в теории права, в частности, А. Россом, А. Аарнио, Г. фон Райтом, О. Вайнбергером. С другой стороны, эмпирические обоснования использовали представители школы «Движения за свободные права», американского и скандинавского правового реализма, социологической юриспруденции. В результате возникло несколько конкурирующих парадигм.

Основная дискуссия сводилась главным образом к трем вопросам: онтологическому, относящемуся к спору о понятии права, гносеологическому, касающемуся возможности построения общезначимого и приемлемого юридического метода, и, наконец, пожалуй, наиболее разделяющих авторов отдельных аксиологических проектов. С самого начала не могло быть и речи о компромиссе, о построении единого философско-правового проекта. Причем «конкуренция» существовала не только «вовне» — между основными парадигмами: естественно-правовой, позитивистско-аналитической, реалистической, но и между отдельными взглядами, сформулированными «внутри» этих парадигм. Эта растущая внутренняя дифференциация должна была привести к разрушению всего проекта еще до того, как были предприняты попытки его реализации.

Правовая и естественная направленность, хотя и рациональная, и критическая, так и не достигла минимального уровня внутренней согласованности в XX веке. С одной стороны, мы имеем дело с рецепцией традиционных — классических — формул естественного права. Примеры этой тенденции включают взгляды Дж. Холла. С другой стороны, существует бесчисленное множество вариантов естественно-правовой направленности, сформулированных уже на основе неокантианства. Речь, к примеру, идет о подходах Р. Штаммлера, в какой-то мере и раннего Г. Радбруха — или концепциях, имеющих отношение к историко-философским, психологическим и социологическим обоснованиям, сформулированным прежде всего представителями американской юриспруденции.

То же самое было в какой-то степени и со школой критической позитивности. Несмотря на схожие рационально-аналитические основы, взгляды Кельзена и Харта существенно различаются. Оба автора по-разному определяют право, по-разному понимают правовую норму (правило) и, наконец, правовую систему и основную норму.

Парадигма аналитической философии права казалась более последовательной. И здесь, однако, тоже есть отличия. Таким образом, мы имели дело как с анализом подковы, так и с анализом мягкой обуви. Сторонниками использования «жестких» — логико-математических методов в науке о праве были, среди прочих: Фон Райт, Аарнио, Вайнбергер, Росс, Харт и представители аналитического направления в американской юриспруденции, которая не имела почти ничего общего с подлинной традицией аналитической философии.

¹ Новичкова Ю. Г., Ананьин П. А., Грунина В. А. Общая характеристика философии (философии права) и философских проблем // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 44—47.

Реализм — последний из великих проектов современной философии права. Его однородность и непротиворечивость должны были стать результатом принятия методологической программы, разработанной философским позитивизмом. Однако со временем этот проект также распадается на множество факультетов и школ, которые начинают разделять все меньше и меньше общих предположений. Достаточно сравнить взгляды представителей разных реалистических направлений, чтобы подтвердить этот тезис. Американский юридический реализм О. У. Холмса, Дж. Ч. Грея, Дж. Франка или, наконец, К. Н. Левеллина, был существенно модифицирован основоположником социологической юриспруденции Р. Паундом. Еще одним направлением была школа скандинавского реализма в редакции А. Хагерстрема, В. Лундштета, К. Оливекрона и Росса, которая, хотя и прямо ссылалась на положения неопозитивистской философии, все же не смогла выработать целостной методологической программы.

Внутренняя неоднородность и внешнее напряжение должны были привести к регрессу, а затем и к краху проекта реформирования юриспруденции. Был ли проект современной философии права материализован не только из-за противоречий и напряженности, существующих между наиболее важными парадигмами? Вероятно, здесь были решающими функциональные соображения. Сформулированные концепции не имели практического смысла, лишь за некоторыми исключениями. Голос философов-правоведов исчез из публичных дебатов по фундаментальным правовым и нравственным проблемам современного мира. Философско-правовые концепции не играли существенной роли в правовой догматике и юриспруденции. Это, конечно, должно было привести к своего рода отчуждению философии права.

В конце 70-х годов мы наблюдаем процессы, аналогичные таковым в философии права, и в других науках, таких как общая философия (эстетика), социология и антропология культуры, литературоведение. В связи с этим все больше говорят о постмодернистском прорыве. Говорить о постмодернистской философии права проблематично¹, во-первых, из-за значительного разнообразия и неоднозначности взглядов ведущих представителей «новой философии», в том числе: Ж. Ф. Лиотара, Ж. Дерриды, Р. Рорти, Г. Ваттимо, Ф. Р. Анкерсмита, Ф. Джеймсона, З. Баумана, В. Уэлша. Во-вторых, потому, что философия права всегда была достаточно специфической областью знания, находящейся где-то на границе между юриспруденцией и общей философией. Так что ее история не может быть легко вписана в историю гуманитарных наук XX—XXI веков. Поэтому, не вдаваясь в споры о постмодернизме, можно сказать, что начиная с 1970-х годов произошло много существенных изменений, которые касаются и философии права. Отправной точкой постмодернистской философии права является критика более ранних — модернистских — проектов. Вспомним, что современная философия права также была критична по отношению к своей предшественнице XIX века.

Таким образом, мы имеем дело со случаем критики по допущению критической современной философии права. Логично ли мы таким образом возвращаемся к исходной точке? В случае с философией права, это не так. Все это имеет иное качество и форму, так что ни о каком неоклассицизме или неоконсерватизме не может быть и речи. Цель постмодернистской критики — деконструировать (разобрать — разложить) парадигмы современной философии права. Напомню, что ключевой смысл понятия «деконструкция» дает один из лидеров постмодернистской философии Дж. Деррида². Отказ от «канонов» означает отказ от продолжения «основной дискуссии» об онтологической сущности права и методах его исследования. Все или почти все разрешено, если это служит какой-либо теоретической или практической цели. Это, очевидно, означает принятие плюралистического подхода к пониманию и практике философии и теории права. Все разумно обоснованные взгляды имеют равную легитимность. Понятая таким образом открытость неизбежно приведет к гносеологическому и аксиологическому релятивизму.

Вопрос о перспективах развития философии и теории права является рискованным по многим причинам. Мы живем в эпоху усиливающейся турбулентности и не знаем, в каком направлении будет развиваться цивилизация. В результате мы не можем убедительно продемонстрировать, какие философия и теория права нам потребуются. Философия права до сих пор так и не конкретизиро-

¹ Денисенко В. В. Сущность права в философии метамодерна // История государства и права. 2022. № 1. С. 25—30.

² Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. Москва, 2000. С. 410.

валась ни как полноценная философская наука, ни как строго юридическая наука. Я сознательно избегаю ответа на вопрос о будущем философии и теории права. Не будем забывать, в конце концов, что подавляющее большинство ученых, представляющих другие социальные науки, находятся в похожей ситуации¹, что, по крайней мере, в какой-то степени подтверждается актуальными постмодернистскими дебатами.

Собко Руслан Васильевич (иеромонах Лаврентий),
кандидат философских наук, заведующий кафедрой
библеистики, богословия и философии, доцент Ниже-
городской духовной семинарии

Закон и законность в контексте развития российского общества и формирования национальной идеи

Выступления в рамках круглого стола были посвящены двум аспектам — правовой идеологии и юридическому образованию в эпоху перемен. Именно вызовы современности заставляют наших сограждан обратиться к основам правового сознания и задаваться такими вопросами, что такое Россия, что значит быть русским и почему, и насколько надо соблюдать те или иные законы. Может ли законность стать частью именно русской национальной идеи или же это прерогатива исключительно, например, немецкого менталитета?²

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к понятиям правового сознания и национальной идентичности. Самая малая часть идентичности есть самоидентичность, осознание себя и того, что происходит вокруг и выстраивание отношения в соответствии с собственными взглядами с теми, кто не я.

Идентичность более высокая — семейная идентичность и следующая за ней племенная или родоплеменная. Здесь уже индивидууму приходится сталкиваться с понятиями морали и нравственности. Мораль, как известно, происходит от латинского *mos, moris* — обычай, а нравственность — от слова нравиться, то есть считаться общественно одобряемым. Таким образом, мы уже на этом этапе в каком-то смысле имеем дело с общественным одобрением, общественной репутацией и прецедентным правом.

На этом этапе объединяющим началом, общей идеей служит кровная родственная связь и общность происхождения. Показательно, что в таких условиях родоплеменной закон действует исключительно в рамках своей группы и не до конца применим к чужакам. Так, в воспеваемой многими славянофилами и народниками русской общине чужака вполне могли убить или обратить в рабство. Сжечь дом или нанести увечья могут иногда и сейчас в российской деревне, если некто, как покажется жителям, противопоставляет себя обществу.

Родоплеменной строй связан еще и с таким понятием, как патернализм, что выражается в терминах родства дед, отец и других. Казалось бы, если хватает сил на применение насилия к чужакам одиночкам или к своим инакомыслящим, то ведь возможно всем вместе отстоять права и общины в целом перед другими родовыми общинами. Однако для подобного действия уже нужен вождь, который и санкционирует внешнее насилие, и задает общую линию поведения.

Патернализм в виде включенной идентичности входит и в исторически более поздние формы общественного развития. Так, например, царь — батюшка, Ленин — дедушка. Имя вождя гуннов Атиллы расшифровывается как «папочка», «отченька», криминального авторитета часто называют пахан, а римского императора *pater patriae*.

Как мы указывали в одной из наших статей, архетипическая этика родоплеменного строя, возможно, — одна из причин коррупции, как в виде так называемого кумовства, так и по той причине, что коррупционная организация воспринимается ее участниками как семья или род,

¹ См.: Вороховов А. В. Особенности западной религиозности постмодерна // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2012. 10 (10). С. 25—35; Вороховов А. В. Личность с точки зрения персоналистического актуализма // Труды Нижегородской Духовной семинарии. Нижний Новгород: Ридо, 2020. Вып. 18. С. 349—359.

² См.: Sobornost as the basis of Russian identity: history and current state / O. V. Parilov [and others] // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Nizhny Novgorod, 10—12 March 2020. Nizhny Novgorod: European Publ., 2021. Pp. 754—760.

что позволяет поддерживать своих и снимает моральные или правовые принципы по отношению к чужим¹.

Еще одним признаком удержания правового сознания на уровне родового строя является восприятие общественных помещений или территорий — всего, что вне дома или квартиры, — как чужих или ничейных. Общественное имущество или подвергается порче, или присваивается. Получается странный парадокс, на который указывает О. В. Парилов, — формально община есть, а на самом деле в том виде как европейская коммуна, мусульманская умма или еврейский кибуц она не функционирует².

Некоторые из исследователей видят корень этой проблемы в связанном с крепостным правом так называемом «комплексе раба» или, иначе говоря, в том, что по историческим причинам у русского народа практически отсутствует навык общинной жизни. Несколько десятилетий после отмены крепостного права не смогли отменить этого явления. Возникший на месте Российской империи Советский Союз, несмотря на название, в общественном смысле, как нам кажется, вернул российское общество в определенном смысле снова к родоплеменному строю только уже в рамках целой страны. Последовавший за ним дикий капитализм не изменил ситуации, поскольку не был связан, да и до сих пор не связан с цеховым сознанием или общностью профессионального опыта и направлен лишь к получению прибыли.

По этой причине общественный строй, возникший на территории бывших союзных республик, иногда называют новым феодализмом, когда отдельный специалист или сообщество воспринимаются лишь как подчиненный инструмент и, образно говоря, не имеют юридической коллективной субъектности на уровне «феодала». Отсутствие общин и описанные выше проблемы приводят к весьма странному составу депутатского корпуса как на уровне муниципального самоуправления, так и государственной думы, что метафорически можно выразить таким образом — в нашем парламенте две палаты лордов и ни одной палаты общин.

Как было сказано выше, законность при общинно родовом строе не что иное как обычаи и нравственность. Возникающее на следующем этапе религиозное мировоззрение уже говорит о Законе, который уже имеет надэтническую и сверхчеловеческую субъектность. Так, верховный суд — это высший божественный суд, а форсмажор в определенном смысле — высшие силы. Религиозный закон устанавливает для сообществ высшую цель, выходящую за рамки интересов одного народа или одного поколения, а законность заключается в определенном религиозно-правовом способе мышления и образе жизни. Отказ от такого образа жизни или выход из религии — уголовное и государственное преступление.

Религиозный закон — закон письменный и эффективный, если религиозная община умеет читать и изучает закон, повышая таким образом правовое самосознание, что можно увидеть на примере иудаизма, ислама или протестантизма. Чрезмерно усложняясь, религиозный (да и иной) закон догматизируется и превращается в политическую теологию, где носителем религиозно-правовой сверхидеи является уже само государство, становясь священной империей с исторической мессианской задачей³.

Такой сменой религиозно правовых систем можно считать замену византийского православия на ислам, католицизма — протестантизмом и даже в определенном контексте православия царской империи на коммунизм⁴. Создание же мессианской идеи, на наш взгляд, признак деконструкции религиозной идеи в собственном смысле замена ее идеологией. Такова, например, политическая идея Москва — Третий Рим, затем «православие, самодержавие, народность» и даже довоенный коммунизм, и поствоенный идеологизированный социализм.

Закон, записанный, становится обязательным для исполнения, если он приобретает обязательность (законность, легальность) через трансляцию власти или в силу национальных обычаев и

¹ Собко Р. В. Социально-антропологическое измерение феномена коррупции // Коррупция как угроза развития общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 18 апреля 2019 года. Нижний Новгород: Белый цвет, 2020. С. 47—51.

² Парилов О. В., Собко Р. В. Прошлое и настоящее русской общины и общинности // Философские исследования и современность: сборник научных трудов. Москва: ИПЛ, 2019. С. 204—208.

³ Собко Р. В. Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 308—311.

⁴ Собко Л. Реформация 1517 и Революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2018. № 16. С. 449—457.

национального самосознания, или посредством высших сил, или через сакрализацию самого государства и его народа, как на определенном этапе развития СССР. Утрата законности приводит и к деконструкции системы даже при внешнем ее благополучии — Российская империя, Советский Союз.

Постмодерн последовательно отменяет государство, народ, семью, личность. Неоконсерватизм делает попытку реконструкции указанных социальных институтов, а в нашем случае возможно и их формирование почти с нуля, что возможно и станет государственной задачей на ближайшие десятилетия.

Марченя Павел Петрович,

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Правовые мифологемы и юридическое образование в эпоху перемен

Еще более полувека назад в статье, посвященной 50-летию Октябрьской революции, расколовшей мир на «до» и «после», советский философ М. А. Лифшиц сформулировал неутешительную психологическую оценку общемировой ситуации зреющей глобальной «эпохи перемен», уже тогда обозначившей повсеместно растущие угрозы всеобщей истории Новейшего времени: «Проклятие несовершенство перемен написано огненными буквами на стенах этого мира. Вот откуда растет отрицательный потенциал, сделавший современность *эпохой страха*»¹.

Увы, за прошедшее с тех пор время актуальность этого тревожного диагноза современности как *эпохи страха* не только не уменьшилась, но еще более возросла. Нынешняя *эпоха перемен* стремится и вовсе выродиться в *эпоху отмен*, делая вполне возможным уже даже не просто *Конец истории* а-ля фукуяма, а самый настоящий *Конец Света*. *Конец* в его подлинном, эсхатологическом смысле.

Охватившие к настоящему времени практически весь мир глобалистические (дай Бог! не апокалипсические) перемены вынуждают не только соответствующих специалистов и философское экспертное сообщество России, но и всех думающих граждан, в страхе перед будущим (и тем более, возможностью его утраты), искать опоры в прошлом. В нашем родном, по-прежнему великом, но и по-прежнему непредсказуемом прошлом.

И поневоле приходится радикально переоценивать привычные связи былого и предстоящего, вне своего собственного, «настоящего» времени, искать ответы на крайне болезненные вопросы, порожденные нелинейными траекториями истории и неподдающимися глобализаторским расчетам временные парадоксы так называемой *эпохи перемен*.

Так куда же мы все-таки идем, *вперед в минувшее* или *назад в грядущее*? На фоне беспрецедентной эскалации конфликта цивилизаций, империй, военно-политических блоков и историко-философских смыслов необратимо творящейся на наших глазах *Истории*, *прогнозы на прошлое* и *воспоминания о будущем* становятся не только забавой для профессиональных гуманитариев и «инженеров человеческих душ», но и мучительной необходимостью для самого широкого круга людей, пытающихся осознать, что происходит сегодня с Россией и миром. И что с ними будет дальше...

Но, разумеется, особая роль в подобном осознании и самосознании общества принадлежит его рефлексующим элитам, несущим интеллектуальную и духовную ответственность за адекватность социальных ответов на вызовы Новейшей истории. Угрожающие выживанию традиционных цивилизаций и сохранению традиционных ценностей перемены современного «смутного времени» настоятельно требуют от социума и его элит обращения (а в чем-то и *возвращения*) к самим традициям, истокам, корням своей идентичности, к коллективной исторической памяти, идеологе-

¹ Лифшиц М. А. Нравственное значение Октябрьской революции // Скепсис. URL: http://scepisis.ru/library/id_184.html (дата обращения: 01.11.2022). (Статья была написана в 1967 г., но в те времена в печати не появилась. Впервые в сокращенном варианте была опубликована в журнале «Коммунист» в 1985 (№ 4). Но более полный вариант см.: Лифшиц М. А. Собрание сочинений: в 3 т. Москва: Изобраз. искусство, 1988. Т. 3. С. 230—258).

мам и мифологемам, определяющим место цивилизации в мировой истории и «коридор» выбора приемлемых для нее альтернатив.

Разумеется, не могут не реагировать на эти вызовы и пытающиеся осмыслить соотношение *перемени* и *памяти* философы, в том числе философы права. Неслучайно так много докладов на посвященном Всемирному дню философии прошлом круглом столе, организованном кафедрой философии Нижегородской академии МВД России, были посвящены именно историософскому и философско-правовому переосмыслению значения традиций и памяти в контексте трансформаций российской правовой реальности¹.

События, которые произошли уже после этого Стола и публикации его материалов (начало Специальной военной операции России на Украине и беспрецедентное обострение противостояния с Западом, грозящее перерасти из гибридных форм войны в Армагеддон), обратили эту проблематику в один из главных идеологических вызовов миропорядку в целом.

Не секрет, что огромное значение в контексте как мирной жизни, так и, тем более, войны цивилизаций, принадлежит мифам, которые, будучи использованы в качестве инструментов воздействия на массы и массовое сознание, способны выполнять, в том числе, и прямо противоположные социально значимые задачи, как созидательные, так и разрушительные.

Все известные «великие смуты» России, в сущности (если предельно редуцировать по смыслу), начинались с попыток утративших цивилизационную идентичность («самозванных») элит прервать Традицию (нарушить «связь времен») и подменить архетипические мифологемы Российской цивилизации мифологемами цивилизации иной («Западной»). Усилия самозванцев по десакрализации Русского Мифа и легализации западоцентристских мифологем на время («смутное время») разрывали идейно-психологическую связь «власти» с «темным» народом до тех пор, пока из недр последнего не возрождалась вновь признаваемая «своей» Власть, восстанавливающая историческую преемственность Русского Мира и Русского Мифа. И исключительно значимую в этом «российском транзите» роль выполняло и выполняет именно русское правовое сознание².

Для настоящего текста, ограниченного форматом и объемом, поставленная проблема слишком велика и широка. Попробуем «сузить» — и выберем в качестве примера чуждых Российской цивилизации и Русскому Мифу правовых мифологем одну, которая давно и очень часто используется как инструмент информационно-психологической войны против России. Причем не только действующими сознательно явными агентами иной цивилизации, но и отечественными авторами, и, увы, возвращающими молодежь преподавателями, в том числе и неосознанно. Иногда и российские патриоты (и я сейчас использую это слово без кавычек) участвуют в таком размене мифами на стороне противника, распространяя информационные мины (в том числе даже в ведомственных силовых вузах!), объективно работающие против России, российской цивилизации. Фактически выступают на стороне того самого «коллективного Запада», с которым мы сейчас находимся в состоянии войны.

Итак, лишь один пример, неочевидный и небесспорный, но зато хорошо знакомый всем коллегам.

¹ См., напр.: Дахин А. В. Россия как правовое государство: проблема конституционной идентичности и роль коллективной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 218—223; Фатенков А. Н. Право на прошлое: вечное возвращение и лабиринты памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 223—225; Треушников И. А. Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 225—228; Анисин А. Л. Правотворчество как память и как продуктивное воображение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 228—231; Ивашевский С. Л. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 236—239; Супрунов А. Г., Васильев В. В. Развитие исторической памяти в образовательном пространстве вуза МВД России: методические и аксиологические аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 239—241; Париков О. В. О соотношении традиционного и общечеловеческого в праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 245—247.

² См., напр.: Марченя П. П., Стрелкова Н. В. Право и смута: массовое правосознание в контексте формирования и преодоления системных кризисов в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 251—253; Марченя П. П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. С. 20—23.

Слишком многие наши теоретики и философы права, а также заодно историки, социологи, культурологи, политологи, реальные политики, не говоря уже о публицистах, любят порассуждать о «неразвитости», «ненормальности», «неправильности», «деформированности», «нигилистичности» русского правового сознания. О так называемом «правовом нигилизме», якобы свойственном русскому народу гораздо более, чем народам «цивилизованных стран», под которыми, понятно, подразумевается Запад, люто жаждущий нас «цивилизовать» и навязать свой «орднунг» еще со времен «псов-рыцарей» Тевтонского и Ливонского орденов, уже тогда мнящих себя «крестоносцами», несущими на «темный варварский» Восток «свет истинной веры».

Русский народ создал самое большое в мире государство и много веков на колоссальном пространстве Евразии поддерживает свое право и свой собственный цивилизационный правопорядок. Это факт исторической практики, с которым адекватные люди вряд ли возьмутся спорить. Но парадоксальным образом этот неоспоримый практический факт, даже в русле нашего (отечественного!) юридического образования, пытаются противоестественно скрестить с западной мифологемой о «правовом нигилизме» и «отсталости» русского правового сознания. А естественный для живого народного правового чувства протест против чуждых, навязываемых извне юридических ценностей Запада пытаются представить как отрицание самой идеи права со стороны народа недостаточно цивилизованного, со слабой правовой культурой и неразвитым правосознанием...

Представляется очевидным, что историческая, историко- и теоретико-правовая составляющие отечественного юридического образования должны быть очищены от априорных русофобских мифологем Запада и наиболее одиозных западников и прочих компрадоров от науки, готовых даже во время войны за гранты и другие бонусы торговать цивилизационным суверенитетом России.

Стрелкова Нина Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

Галанина Наталия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Проблема модернизации правовой идеологии в современной России

Люди, проживая свою жизнь, занимаясь повседневными делами, принимая те или иные решения, мечтая и стремясь к целям, порой не догадываются, что внутри них на глубинном бессознательном уровне существует коллективная программа, способствующая объединению индивидов в единое целое. Ядром этой объединяющей программы является некая идея, способная сплотить, направить, защитить тот или иной народ. Правовая идеология — это общественная мысль, направленная на понимание права как фундаментальной ценности, способной объединить индивидуальные стремления на всеобщее благо в рамках государства.

Одной из самых важных проблем в российском правосознании является не желание граждан к реальной политической деятельности, а именно в создании и участии в выработке политической идеологии в современных реалиях. Все в мире меняется стремительно и нам необходимо за короткий срок выработать новое прогрессивное сознание в сфере идейного обновления права и государственной идеологии. Наши представления о вере, правде и справедливости не изменились, остались те же, связанные с гуманизмом, нравственностью и любовью, но мир и люди меняются. Широкие слои русской интеллигенции демонстрируют идейную пассивность, а порой откровенную вялость и инертность. Жизнь идей стали признавать, как потустороннюю реальность, не связанную с миром потребления, новых технологий и утилитарного отношения к жизни. Свобода в идейном творчестве у нас всегда находится под подозрением как со стороны официальной государственной идеологии, так и со стороны граждан-обывателей.

Наша основная, исторически сложившаяся идея была направлена на спасение народа и мира. Мысль о всеобщем спасении — это исключительно русская мысль. Историческая судьба русского народа отличается жертвенностью, начиная от спасения Европы от татаро-монгольского нашествия.

ствия и заканчивая Второй мировой войны. Русская интеллигенция исповедовала какие-либо доктрины и утопии, обещающие упрощенный способ всеобщего спасения. Но сейчас нужна не просто жертвенность и православная вера, нужна свободная, творческая, живая мысль. Творческая мысль, которая ставит и решает все новые и новые задачи, — динамична. Эта мысль не должна быть левой, революционной, так как подобная траектория не содержит под собой глубинных признаков общественной мысли и политического сознания, она аполитична и не общественна, лишена инстинктов государственного и общественного строительства. Есть в русской ментальности черта, которая не принимает историю, государственность и право со всей их жестокой реалистичностью, трагическими противоречиями и практической значимостью. Как правило, русские интеллигенты начинают больше морализаторствовать над данными феноменами, упрощать и сводить к утопической перспективе всеобщего спасения. Русская мысль достаточно статична, несмотря на смену разных вер и направлений. Это прослеживается и по отношению к теоретически охранительным доктринам, и по отношению к доктринам позитивистически-радикальным и либерально-демократическим.

Равнодушие русских людей к государственной и политической мысли и идеям не случайно, оно как-то само собой прижилось на нашей почве. Возможно на это повлияло наше географическое положение, климат, природа, ландшафт. Территориальная обширность нашей страны, ее необъятные просторы способствовали удаленности многих людей от политического центра, да и от государственности как таковой.

Возможно, централизация государственной власти, волюнтаризм управления сверху, тоже повлияли на низкую степень самоуправления в местных органах власти и создании общественных объединений. Еще один фактор равнодушия к политическим идеям — это поиск русской правды, а не истины. В этом есть некая самобытность и русская духовная традиция, но есть и опасность перед безоговорочным приятием народной мудрости. А в современных реалиях каждый уже должен научиться брать и нести личностную ответственность за государственные и правовые идеи, иначе будут снова причитания по поводу того, что от нас ничего не зависит. Вся же наша традиционная мысль, включая славянофилов, народников, Л. Толстого и Ф. Достоевского, искала спасения и смысл в стихийной народной мудрости, что также сильно повлияло на русский аполитический менталитет, где сердце преобладало над умом и волей¹.

Роль личности в истории, государстве и политике в России была отодвинута на второй план по сравнению с общественными интересами и широко социальными движущими силами. Наша личностная мысль осталась закрепощенной, общинной, служебной. Нам необходимо духовное освобождение от личностного рабства, от рабства старых идей, непригодных для нового прогрессивного развития. Страх перед самостоятельным мышлением в сфере правотворчества привел широкий круг русской интеллигенции к идейной бедности и отсталости.

Идеи правовой идеологии остались в кругу немногих, не стало спроса на них, не было заказа на русское идейное творчество, обходились остатками старых идей. Со стороны же народа было равнодушие к правовой идеологии, все занимались решением личных или семейных задач, которых, надо отдать должное, было у наших людей немало.

Сейчас, в это нелегкое для нашей страны время, вскрылась болезненность духовного состояния в сфере правовой идеологии нашего общества. Требуется все больше напряжения как материальных, так и духовных сил. Мы подошли к мировому противостоянию с запасом западных же идей и смыслов. Люди находятся сейчас в идейном смятении и страхе перед лицом исторической судьбы своего и не только народа. Все сдвинулось в мировом и российском сообществе с обычных мест, требуется совершенно новая творческая работа мысли, новое идейное воодушевление. Сейчас мы расплачиваемся за долгий период равнодушия к правовой идеологии. Русский народ должен иметь свои национальные и интернациональные идеи, объединяющие нас в единство. Мы обязаны не только государственно и общественно перестроиться, но вырасти духовно и идейно. Идейную отсталость мысли и равнодушие к политической идеологии необходимо заменить новым гражданским воодушевлением и идейным подъемом, ведь мы знаем, что в глубинах русского менталитета скрыты великие возможности, таланты и духовность!

¹ Треушников И. А. Правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33).

Матвиенко Евгений Алексеевич,

кандидат философских наук, доцент, начальник
кафедры философии Волгоградской академии
МВД России

Права человека как идеология вестернизации

Проблема идентичности чрезвычайно остро стоит сегодня практически для всех стран и народов. Западная цивилизация, захваченная бурным потоком постсовременности, все в большей степени отказывается от тех ценностей, благодаря которым она вообще смогла состояться как таковая, обрести и поддерживать культурную идентичность. Имеются в виду ценности в основе своей христианские, относительно которых еще несколько десятилетий назад сохранялся определенный общественный консенсус (в рамках которого, заметим, вполне находили себе место и религиозные фундаменталисты, и атеисты либерального или социалистического толка).

Однако с 60-х годов прошлого столетия наблюдается все ускоряющийся процесс размывания этого консенсуса, связанный, прежде всего, с глубочайшими технологическими сдвигами, становлением общества потребления, развитием различных вариантов контркультуры. В конце 70-х «с подачи» Ж.-Ф. Лиотара этот новый этап в развитии общества получает название постмодерна. Его сущностью (хотя сами постмодернисты от анализа каких-либо сущностей принципиально отказываются) выступает отмена каких бы то ни было общеобязательных норм и ценностей. Каждый волен целиком и полностью определять свою жизнь и себя самого. Говоря языком социологии, предписанные социальные статусы подлежат вытеснению достигаемыми. Причем со временем такое вытеснение должно стать полным и окончательным. Предметом личного выбора становятся не только профессия, место жительства, политические убеждения, вероисповедание, но и такие фундаментальные социально-биологические характеристики, как, скажем, сексуальная ориентация и даже пол (повсеместно на Западе вытесняемый понятием «гендер»).

Коренным недостатком постмодернизационного проекта является то, что, снимая (в пределе) с человека все ограничения и обязательства, принципиально вынося его за любые рамки, его лишают и какой бы то ни было устойчивости и определенности, тем самым проблематизируя человеческое бытие как таковое. Чтобы быть, надо быть кем-то. Это утверждение тем более справедливо, если вспомнить, что мы сегодня обречены существовать в «обществе риска» (понятие которого подробно рассмотрено, в частности, У. Беком)¹. Наше существование, несмотря на все достижения человеческой цивилизации, оказывается по ряду параметров куда более хрупким и неустойчивым, чем в предшествующие эпохи. Соответственно, куда сильнее и потребность в обретении устойчивой основы человеческого бытия как социального, так и индивидуального.

В этой связи видится совсем не случайным тот факт, что параллельно лавинообразному нарастанию постмодернизационных тенденций «коллективный Запад» все активнее «поднимает на щит» идею «прав человека». Действительно, носителем последних как раз и выступает, по крайней мере, тот полностью вырванный из социального контекста индивид, тот «человек вообще», который и является, по-видимому, конечным (и при этом, на наш взгляд, сугубо отрицательным) результатом торжества постмодерна. Его (все расширяющиеся) права провозглашаются столь же универсальными, сколь и абсолютными. Обладание этими правами хоть как-то привязывает индивида к социуму, порождает некое квазиединство с другими их носителями. В то же время очевидно, что гипертрофированное развитие указанных «прав» в конечном счете скорее отдаляет людей друг от друга, способствует дальнейшей атомизации общества (и без того уже достигающей опасных значений). Сомнение в значимости идеи прав человека для любого индивида и любой культуры в медийном пространстве Запада воспринимаются как нечто абсолютно недопустимое. Такого рода сомнения трактуются, в лучшем случае, как свидетельство «отсталости», в худшем — как попытка покушения на некие «общечеловеческие» ценности.

Роль выразителя последних Западная цивилизация, без тени сомнения, принимает на себя. Соответственно, по-прежнему идущий (хотя и резко замедлившийся в последнее время) процесс глобализации — процесс конституирования единого человеческого сообщества, также должен «скроить» человечество по лекалам актуальной Западной культуры. Следует подчеркнуть, что, хотя глобализация по сути своей есть процесс объективный, его конкретные формы могут иметь

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.

характер исторически случайный, определяемый, в частности субъективно теми или иными социально-историческими акторами — элитами, лидерами (в том числе религиозными), наиболее мощными национальными государствами или, как сегодня, так называемым «мировым сообществом».

Последнее понятие, как хорошо известно, представляет собой эвфемизм для обозначения США и их союзников. Глобализация же под их давлением во многом превращается в вестернизацию, в агрессивное навязывание всему миру западных норм и ценностей, западной культуры в целом. Последние при этом идеологически камуфлируются, сугубо европейское выдается за общечеловеческое.

«Цвета» этого камуфляжа достаточно разнообразны. В 50-70-е годы прошлого века — в период становления неоколониализма — на первый план выдвинулась теория модернизации. Она наделила Запад статусом авангарда человечества, обрекая всех остальных на роль учеников в деле построения «современного» общества. Эта теория очевидным образом выражала интересы бывших метрополий, терявших прямой военно-политический контроль над колониями и стремившихся заменить его контролем экономическим и идейным.

В 80-е годы — в период кризиса и последующего коллапса мировой социалистической системы, совпавшего с крушением авторитарных режимов в целом ряде стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, — большое внимание уделяется транзитологическим концепциям. Они постулируют неизбежность и благотворность перехода к политической демократии (в ходе которого, опять-таки, Западная цивилизация может и обязана помочь странам, в которых этот переход почему-либо затягивается).

На волне эйфории, вызванной (неожиданно быстрой и полной) победой в холодной войне, Запад на короткое время отбрасывает риторические ухищрения и прямо заявляет, что Западная (и прежде всего — американская) культура является, безусловно, предпочтительной (о чем ее представители знали всегда, а все остальные поняли только теперь). Наиболее известным адептом этой концепции выступает Фрэнсис Фукуяма¹. Но вскоре после этого Сэмюэль Хантингтон в своей не менее известной книге возвращает западные элиты с небес на землю². Становится ясно, что до конца истории еще далеко, более того — межкультурная конкуренция приобретает куда более острый, чем раньше, характер.

Этот факт вновь ставит в повестку дня задачу обоснования претензий Западной цивилизации на историческое лидерство в мировом масштабе и возвращает нас к учению о «естественных», «неотчуждаемых», а главное — «универсальных» правах человека. Именно эта теория, на наш взгляд, выступает сегодня идеологическим каркасом того проекта глобализации, который активно продвигается Западом — глобализации как вестернизации.

Идеология понимается нами в марксистском духе, то есть как система представлений и ценностей, выражающая интересы определенных социально-исторических сил. Силы эти могут быть внутренне неоднородны. Так, классический либерализм, будучи в сущности своей идеологией буржуазии, на определенном (и достаточно длительном) историческом этапе выражал вместе с тем интересы всего так называемого «третьего сословия» (включая крестьян, ремесленников, нарождающийся пролетариат), дискриминируемого в условиях феодального общества. Аналогично этому, теория универсальных прав человека выражает сегодня прежде всего интересы транснациональной экономической и политической элиты стран «золотого миллиарда». Но вместе с тем — и интересы значительной части населения этих стран, опосредованно получающих свою долю прибыли от эксплуатации населения «мирового Юга» (в частности, через распределительные механизмы социального государства).

Можно сопоставить этот «альянс» с эпохой вызревания империализма второй половины XIX — первой половины XX века. Его социально-политическая сущность, по мнению Ханны Арендт, как раз и заключалась в союзе стремящейся к сверхприбылям буржуазии и нацеленных на успех любой ценой достаточно широких масс населения, для обозначения которых используется понятие «чернь». Идеологической основой этого союза стал агрессивный национализм, приведший мир к эксцессам колониализма и социальным катаклизмам XX столетия³.

Сегодня мы имеем во многом сходную картину. Правда, на смену национализму пришел «западоцентризм». В наши дни Запад уверяет в своем превосходстве других (и уверяется в нем сам),

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва: АСТ, 2010.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2006.

³ Арендт Х. Об империализме // Арендт Х. Скрытая традиция. Москва: Текст, 2008. С. 13—38.

апеллируя прежде всего к тому факту, что именно он провозгласил и реализовал на практике «права человека». Их (нередко мнимое) нарушение дает право (и даже возлагает обязанность!) осуществления разного рода «гуманитарных интервенций», служит предлогом для беззастенчивого давления на другие страны с целью продвижения своих геополитических и геоэкономических интересов. По сути, тезис о необходимости защиты прав человека превратился в смысловой и функциональный аналог тезиса о «бремени белого человека», дававший европейцам карт-бланш для проведения активной колонизаторской политики.

При этом само содержание «прав человека» все более размывается. «Права, сведенные к простому каталогу желаний... постоянно размножаются, и больше уже никто не ставит вопрос об их истинном основании»¹. По сути, любое желание, любую прихоть, любую потребность (в том числе нездоровую, а то и прямо извращенную) пытаются сегодня подать (и продать!) в качестве очередного «права человека», что разрушает, в конечном счете, саму Западную цивилизацию². Вакханалия толерантности при этом активно поощряется элитой — отчасти потому, что она сама захвачена экстазом вседозволенности, разрушения всех и всяческих табу, а отчасти и потому, что чем больше «прав» возводится в ранг «естественных» и «универсальных», тем проще найти повод для вмешательства в дела тех стран, где эти «права» якобы нарушаются.

При этом, как и любая идеология, теория универсальных прав человека представляется большинству своих приверженцев истиной в последней инстанции. Такая истина уже не требует обоснования, она превращается в допущение парадигмального уровня. Европейский или американский обыватель искренне негодует по поводу нарушения прав человека в Китае, России, Венесуэле или Саудовской Аравии. Он (субъективно), действительно, хочет сделать жизнь людей в этих странах лучше. Но объективно подобного рода критика выступает, как правило, лишь средством защиты интересов глобального (преимущественно Западного) капитала, часть прибылей которого достается и европейскому или американскому обывателю.

Лишь немногие трезво мыслящие теоретики на Западе осознают, подобно Алену де Бенуа, что «идеология прав человека является плодом Просвещения и что сама идея прав человека относится к специфическому горизонту западной современности»³. Еще меньше исследователей, по понятным причинам, готовы об этом откровенно говорить. Однако из-за пределов Западной культуры идеологическая подоплека «обеспокоенности правами человека» видится вполне ясно.

Сказанное вовсе не означает, что права человека не нуждаются в защите, что за пределами Запада жизнь, свобода, собственность, равенство и справедливость, наконец, стремление к счастью не важны для людей. Утверждать это было бы очевидным абсурдом. Но не менее очевидно и то, что теория и практика прав человека в ее Западной форме для большинства других культур неприемлема. Их целью должно стать нахождение (в том числе и с помощью философского дискурса) собственных моделей содержания, форм выражения, реализации и защиты прав человека.

Горбачева Светлана Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, ученый секретарь Ученого совета Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Профессиональное правосознание и юридическое образование в условиях правового государства

Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 1 закрепляет статус России как правового и демократического государства. В качестве базовых составляющих государства, которое в полной мере может относиться к категории «правовое», отечественные исследователи не всегда едины в своих научных позициях. Так, М. В. Антонов полагает, что разработчиками Основного Закона отнюдь не предполагается создание, совершенствование развитие России именно как правового государства. Данный факт констатируется как данность без расширительного толко-

¹ Де Бенуа А. По ту сторону прав человека. Москва: Институт Общегуманитарных исследований, 2015. С. 96.

² См. подробный анализ указанной тенденции в работе Д. Мюррея «Безумие толпы: как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем». Москва: РИПОЛ Классик, 2021).

³ Де Бенуа А. Указ. соч. С. 64.

вания¹. Дж. Раз отмечает, что наличие в том или ином государстве разработанных на достаточно высоком уровне юридической техники законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, судебных органов и нормативно оформленного разделения властей, может быть практически полностью нивелировано как общей, так и юридической безграмотностью населения данной страны, сводящей на «нет» все благие нормативные конструкции².

За более чем двухсотлетнюю историю существования концепции правового государства среди представителей англосаксонской и романской правовых систем сложились свои подходы к пониманию его содержания и тех элементов, наличие которых является обязательным для возможности отнесения государства к категории правовых. Общими среди них, отмечает Ф. А. Хайек, является наличие «писаного права» и его обязательность для всех без исключения, отсутствие обратной силы закона и пр.³

Не вдаваясь в подробности и тонкости конституционных научных споров относительно содержательности понятия правового государства применительно к Российской Федерации и его практического наполнения, обратимся к заявленной теме научной дискуссии — правовой идеологии и юридическому образованию в эпоху перемен и под этим углом рассмотрим вопрос профессионального правосознания и юридического образования в условиях отечественного правового государства.

За тридцать один год существования Российской Федерации как самостоятельного и независимого государства его образовательными организациями высшего и среднего профессионального образования были подготовлены десятки тысяч лиц, ставших обладателями дипломов о соответствующем уровне юридического образования. Наша образовательная система прошла такой этап своего развития и становления, когда дипломированных юристов считало для себя необходимым готовить любое высшее учебное заведение, получившее на то лицензию вне зависимости от профиля основной подготовки. В те годы стала нарицательной характеристика такого образовательного процесса, как «покупка диплома в рассрочку», при котором даже наличие у выпускника вуза диплома с отличием не гарантировало работодателю качества юридических знаний (не говоря о высокой степени сформированности профессиональных компетенций) у претендента на работу юриста, юрисконсульта и пр. даже на пороговом, базовом уровне.

Следует отметить, что ведомственные правоохранительные образовательные организации системы МВД России и государственные образовательные организации высшего образования, осуществляющие профильную подготовку профессиональных кадров для государственных и муниципальных органов власти, во многом стали исключением из данной негативной модели подготовки дипломированных юристов с минимальными юридическими знаниями. Причину тому мы, прежде всего, видим в верном понимании данными вузами законодательной дефиниции, закрепленной отечественным законодателем в пункте 1 статьи 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», определяющей образование как целостный и неделимый процесс воспитания обучающихся лиц с одновременным их обучением, преследующем цели реализации образовательных потребностей личности, равно как ее интеллектуального, творческого и профессионального развития⁴. Речь, таким образом, идет не только о формировании у обучающихся в юридических вузах стойких, систематизированных юридических знаний и профессиональных компетенций их использования в практической плоскости, но и формировании у них того, что ранее называлось «активная жизненная позиция», а в реалиях сегодняшнего дня — «профессиональное правосознание».

Нам представляется достаточно интересными воззрения О. В. Пересадиной на природу и сущность профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел. В своем диссертационном исследовании указанный автор предлагает рассматривать в качестве профессионального правосознания систематизированную совокупность правовых знаний, умений, чувств и традиций профессионального сообщества лиц, обладающих познаниями в юриспруденции и на профессиональной основе занимающихся правоохранительной и / или правоприменительной

¹ Антонов М. В. Об определении понятия «Правовое государство» // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 129.

² Raz J. The Authority of Law. N. Y., 1979. P. 211.

³ Хайек Ф. А. Дорога к рабству. Москва, 1992. С. 30.

⁴ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53, ст. 7598.

практикой, равно как и иной юридической практикой¹. Можно не в полной мере соглашаться с тем, что профессиональное правосознание присуще преимущественно представителям юридического сообщества, однако с положением о том, что присутствует линейная зависимость между такого рода правосознанием должностных лиц, профессионально занимающихся юридической практикой, и их «профессионально-нравственным сознанием»².

Так, Е. И. Макарова, исследуя правовое правосознание с позиций его правовой природы, предлагает рассматривать данное явление более упрощенно, как обладание индивидом познаний правового характера, проистекающих из исполнения им своих профессиональных обязанностей, а также более глубоких познаний законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, владение и оперирование которыми предполагает профессиональная деятельность указанного лица³. Мы не считаем возможным в полной мере согласиться с данным утверждением по той причине, что автор практически полностью выпускает из поля своего зрения воспитательные и нравственные начала, без наличия и постоянного совершенствования которых юрист превращается в бездушную правовую машину.

Социально-нравственная составляющая служебной деятельности должностного лица государственного / муниципального органа власти, сотрудника территориального органа МВД России, обладающего юридическим образованием и необходимым уровнем профессионального правосознания, является обязательной. Причиной тому служит конституционно закрепленная норма (ч. 1 ст. 7) Основного закона Российской Федерации, констатирующая социальную сущность российского государства, базовые направления политики которого ориентированы на формирование таких условий, которые могли бы в полной мере обеспечить достойную жизнь и поступательное совершенствование граждан Российской Федерации.

В качестве итогов нашего краткого рассмотрения проблем профессионального правосознания и юридического образования представителей органов государственной власти в условиях правового государства мы полагаем необходимым отметить следующее.

Всякое должностное лицо органа государственной / муниципальной власти, сотрудник территориального ОВД, профессиональные требования к которому предполагают у него наличие юридического образования, должен обладать не только должным уровнем знаний юридического характера и профессиональными компетенциями по их применению, но и достаточной степенью воспитанности, нравственной и правовой культуры, соответствующей статусу России как правового государства, представителям которого он является.

Профессиональное правосознание лица, занимающегося на профессиональной основе юридической практикой, ни в коей мере не является чем-то догматически застывшим и окончательно сформированным / достигнутым. Любой профессионально практикующий юрист, а тем более представитель правоохранительного органа в течение всего периода исполнения своих служебных обязанностей должен на перманентной основе совершенствовать степень своего профессионального правосознания как самостоятельно, так и в рамках дополнительного профессионального образования.

Федосеева Ольга Игоревна,

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

К проблеме обеспечения информационной безопасности в процессе профессиональной подготовки

Одной из важных задач, решаемых в процессе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, является задача формирования их гражданского и правового сознания. В современных условиях обострения и поляризации установок, взглядов, убеждений, цен-

¹ Пересадына О. В. Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания: на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 9.

² Там же.

³ Макарова Е. И. Правовая природа профессионального правосознания: понятие, структура и функции // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 1 (90). С. 86.

ностных ориентиров особый интерес, с нашей точки зрения, представляет вопрос влияния цифрового информационного пространства (информационного воздействия) на становление личности сотрудников ОВД. Указанная проблема носит многомерный характер и содержит в себе целый ряд взаимосвязанных правовых, социокультурных, гуманитарных, политических, педагогических и психологических аспектов.

Освоение будущей профессии приходится на юношеский возраст. В силу особенностей развития психики молодые люди являются наиболее уязвимой аудиторией для информационного воздействия. Задачей нашего анализа является выявление специфических особенностей познавательной сферы, общения и взаимодействия с информационным контентом поколения современной молодежи, названного поколением Z (центиалов) еще задолго до последних событий, перевернувших отношение людей всего мира к этой букве латиницы.

Отличительными особенностями познавательной сферы и взаимодействия современной молодежи с информационным контентом являются:

— тенденция к восприятию информации в визуальной образной форме¹, отсюда вытекает предпочтение молодежи к виртуальному общению по принципу «лицом-к-лицу», а не посредством обмена текстом², виртуальная социализация³;

— высокая скорость мыслительных процессов, крайнее разнообразие и неустойчивость интересов, некритичное отношение к информации, снижение способности к рефлексии и критическому мышлению⁴, увеличение доли экранного времени (времени, проводимого за экранами мессенджеров)⁵; именно поэтому М. Пренски назвал современную молодежь «цифровыми аборигенами» (*“digital natives”*)⁶;

— повышенная внушаемость, склонность безусловно принимать установки и мнения, доминирующие в значимых для них группах, и в то же время отрицание традиционных ценностей и авторитетов, противоречивость и бунтарство⁷;

— неготовность воспринимать сложные в когнитивном плане конструкты, стремление «упростить» смыслы и образы⁸, так называемое «клиповое» мышление;

— способность к гипертекстовому мышлению (непоследовательному параллельному усвоению информации, объединяющему разрозненные знания); в сочетании с тем, что выбор информации, как правило, опирается на источники, которые поисковые системы предлагают первыми, это приводит к формированию поверхностных представлений об окружающем мире, напоминающих «лоскутное одеяло», собранное из специально отобранных «информационных кусочков», знаний одновременно «обо всем сразу, и ни о чем конкретно»;

— способность к мультизадачности, основанная на одновременном удержании в поле своего внимания и работе сразу с несколькими информационными источниками и их частом обновлении⁹. Однако, согласно современным исследованиям, у так называемых *media multitaskers* (мультизадачников, «многозадачников») способности к запоминанию, структурированию информации, концентрации внимания хуже, чем у «однозадачников», что зачастую приводит к снижению продук-

¹ Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 08.11.2022).

² Seemiller C., Grace M. Generation Z: Educating and Engaging in the Next Generation of Students // *About Campus*. 2017. Vol. 22. Issue 3. Pp. 21—26.

³ Титов В. В. К вопросу о конструировании национально-гражданской идентичности российской молодежи в цифровую эпоху // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 257—264.

⁴ Все по тегу Поколение Z. URL: <https://mel.fm/pokoleniye-z> (дата обращения: 08.11.2022).

⁵ Твенге Дж. М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных / пер. с англ. А. Толмачев. Москва: РипполКлассик, 2019. 406 с.

⁶ Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1. On the Horizon. 2001. Vol. 9. Issue 5. Pp. 1—6.

⁷ Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия. Психология и право / Столяренко А. М. [и др]. 2019. Т. 9. № 4. С. 75—89.

⁸ Титов В. В. К вопросу о конструировании национально-гражданской идентичности российской молодежи в цифровую эпоху // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 257—264.

⁹ Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials. URL: https://www.huffpost.com/entry/8-key-differences-between_b_12814200 (дата обращения: 08.03.2022).

тивности деятельности. Это печальное последствие прекрасно иллюстрирует народная мудрость «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь»;

— поиск информации может носить навязчивый немотивированный характер: это новое в молодежной среде явление получило название «веб-серфинга» — бесконечного поиска новой информации не ради получения знания, решения проблемной задачи, а ради праздного любопытства (просмотр развлекательных видео, фото, посещения «чужих» профилей — страничек в соцсетях, перепосты и т. п.); таким образом, возникает зависимое от гаджетов поведение;

— возникновение новой фобии — *FOMO* (от англ. *fear of missing out* — синдрома упущенной выгоды) — страха выпасть из процесса общения¹, остаться вне интересных событий. Именно эта фобия, по мнению Дж. Твенге, опосредует рост «экранного времени» современной молодежи и рост коммуникативной активности в виртуальном мире;

— избыток информации и превалирование эмоционально-негативного контента в Интернете приводит к осознанию своего поколения через призму конфликта, отсюда — поиск всевозможных «врагов»² уже не в виртуальном, а реальном мире;

— незрелость регуляторных функций, мотивационно-волевой и когнитивной сфер затрудняет социальную адаптацию личности, в силу чего она не в состоянии следовать установленным правилам поведения в социуме. Это приводит к образованию дефицитарности нормативного поведения личности³.

Проведенный анализ свидетельствует о высокой степени уязвимости сознания современной молодежи для информационного воздействия преимущественно через цифровое пространство, возможности трансформации моральных и нравственных установок, формирования агрессивной модели поведения, социальной дезадаптации и девиантного поведения. Таким образом, проблеме обеспечения информационной безопасности в процессе профессиональной подготовки необходимо уделять пристальное внимание, следует формировать новые способы взаимодействия с обучающимися, опираясь на выявленные отличительные особенности развития их познавательной сферы.

Фролова Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры философии Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Право и идеологический вакуум

Идеология и право, обладая относительной самостоятельностью, сущностно связаны, взаимодействуют и детерминируют друг друга. С помощью правовой идеологии концептуализируются основные идеи общества о государстве и праве. А предпосылками формирования правовой идеологии выступают потребность социальных групп в регулировании социальных отношений, наличие идей, ценностей и норм, которые объективно нуждаются в оформлении средствами правовой идеологии⁴. Коллективно значимое на обыденном уровне закрепляется в традиции, на идеологическом уровне закрепляется в правовой норме⁵.

Правовая идеология является неотъемлемой частью правовой политики, и в ней воплощаются основные идеи, которые закладываются в базовые нормативные акты национальной правовой системы. Право, как социальный институт, приобретает ценностно-смысловую составляющую,

¹ Твенге Дж. М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных / пер. с англ. А. Толмачев. Москва: РипполКлассик, 2019. 406 с.

² Титов В. В. К вопросу о конструировании национально-гражданской идентичности российской молодежи в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 257—264.

³ Нурмухаметов Э. А. К вопросу о нормативном поведении подростка в условиях школьного обучения // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65844.shtml (дата обращения: 01.04.2022).

⁴ Байков А. Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 176 с.

⁵ Ивашевский С. Л. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 239.

легитимируется и воспринимается в общественном сознании как ценностно значимое благодаря правовой идеологии. Связь права и ценностно-мировоззренческих, духовных основ очевидна.

Однако, для современного российского, да и не только, общества характерно негативное отношение к самому термину «идеология», как к чему-то деструктивному. Понятие извращается, подменяется понятием «политика», и наилучшим выходом отказа от прошлого, от всего советского в российском социуме стала политика ухода от идеологии. Это явилось следствием попытки построить новое общество по-западному, «цивилизованному» образцу, заменяя национальные идеи технократическими целями и решениями.

Общество приучили к мысли об отсутствии в развитых странах какой-либо идеологии, о плюрализме идей и убеждений. В тех же концепциях утверждается, что право и идеология несовместимы. Лишь свободное от идеологии право может соответствовать интересам граждан. Подобные утверждения Фукуямы¹, Белла и других о свободе либерального общества от какой-либо идеологии не только дискуссионны, но и могут привести на практике к замещению идеологического вакуума разрушительными социальными идеями.

Однако сегодня совершенно очевидно, что представление о Западе как неидеологизированном обществе, в корне неверно. Идеология глобализации работает безотказно и агрессивно. Но в этой глобалистской идеологии нет места национальным идеологиям и национальным интересам не только России, но и кого-бы то ни было, кроме США и их неолиберальных идей. «Идеология Запада сегодня только и исключительно либерализм. Глобализация есть глобальное распространение либерализма на все человечество. И кто с этим не согласен, тот уничтожается. Рано или поздно теми или иными средствами, но именно уничтожается»². Разрушаются национальное сознание, трансформируется мировоззрение, нивелируются культурные, религиозные основы традиционных обществ³.

Гарантом единения общества, особенно необходимого сегодня, гарантом социальной стабильности и позитивных изменений может выступить именно идеология. Она, осознав всю палитру общественных интересов и запросов, способна скрепить и мобилизовать общество.

В настоящее время в России все активнее поднимается вопрос о недопустимости в обществе идеологического вакуума, назрела необходимость идеологического осознания современной российской действительности. Отсутствие идеологической составляющей государства влечет за собой разрыв связей между государством и людьми и утрату национальной самоидентификации. А «для того, чтобы понимать свою идентичность с народом, недостаточно знать историю страны, важно понимать логику исторического процесса, последовательность этапов, перспективы развития и направление движения»⁴.

Но остается вопрос: «Каким должно стать это направление движения, какой должна стать новая идеология?» В современной ситуации очевидна необходимость альтернативной идеологии, выдвижения собственной Идеи. Трудно не согласиться с Н. В. Галаниной, считающей, что сегодня при выборе вектора развития России в равной степени неприемлемы ни косное славянофильство, ни западничество с его прагматизмом»⁵.

Необходимо сказать и о преемственности собственной истории. Нельзя «отменять» ни один из периодов российской истории, каким бы противоречивым он не был. Необходимо аккумулировать лучшее, что было на любом из этапов Российского государства и общества.

Органическое единство общечеловеческих ценностей с исконно российскими, с культурными, ментальными, национальными особенностями должно стать основой новой идеологической парадигмы.

Необходимость сохранения наших исконных ценностей — своеобразных скреп русского общества — мировоззрения, духовной культуры очевидна. Но надо сказать, что только идеи сохранения собственных традиционных ценностей сегодня недостаточно. В Идею, в идеологии национальных интересов общество должно увидеть и перспективу своего развития.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 134.

² Дугин А. Запад как идеология и наш русский ответ. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/zapad-kak-ideologiya-i-nash-russkiy-otvet> (дата обращения: 01.04.2022).

³ Васечко А. А. Международное право как феномен культуры // Философские исследования и современность. Москва, 2019. Вып. 8. С. 34—35.

⁴ Дугин А. Г. Угрозы для России и поиск идентичности. URL: http://www.patriotica.ru/religion/dugin_ugroza.html (дата обращения: 01.04.2022).

⁵ Галанина Н. В. Новые задачи русской мысли // Философские исследования и современность. Москва, 2022. Вып. 11. С. 185.

Зубкевич Лада Альбертовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Нижегородской академии МВД России;
Зубкевич Анна Александровна,
главный специалист отдела АТК департамента региональной безопасности Нижегородской области

Формирование антитеррористического мировоззрения (на материалах Нижегородской области)

Статья посвящена формированию антитеррористического мировоззрения как одной из важнейших задач в деятельности органов власти, а также выявлению проблем, встающих на пути решения этой задачи. Для этого обратимся к причинам возникновения идей терроризма и проникновения их в наше общество.

Причины проявляются в сущностном основании догм террористической идеологии: 1) направленность против любого общества или общества вообще из-за осознания своей исключенности из него; 2) девиантность поведения; 3) компенсация исключенности из общества посредством создания своих альтернативных картины мира, субкультуры, морали, которые основаны на идеях собственной исключительности с использованием антисоциальных, деструктивных, антигуманных догм, концепций и пр. В обществоведческих науках общепринято выделять следующие факторы развития конкретных обществ и мира в целом, влияющие на формирование идей терроризма: глобальная несправедливость, неустойчивость развития обществ, бедность, утрата мировоззренческих оснований.

Можно предположить, что при ликвидации этих факторов исчезнет почва формирования идей терроризма. Следовательно, борьба за умы людей должна быть комплексная. Ликвидация глобальной несправедливости, борьба с бедностью, устойчивость развития обществ, обретение нового перспективного мировоззренческого основания должны быть целью развития любого общества.

Поэтому для формирования антитеррористического мировоззрения необходимо сосредоточиться на следующем: 1) учитывать специфику мировоззрения людей «зоны риска», живущих в России и в других бывших республиках СССР (бедность, агрессивное отношение к миру, склонность к разного рода девиациям, правовой нигилизм, ничем не мотивированная самоуверенность, разного рода ксенофобии, «зависимые установки» в мировоззрении, «вымывание сложных социокультурных потребностей»¹, формирование идентичности бедности²); 2) учитывать то, что на территории бывшего СССР в положение исключения из общества (депривацию) попадает большое количество людей (вынужденные мигранты и не сумевшие адаптироваться под новые реалии жизни³); 3) учитывать специфику отношения к окружающему миру бывших советских людей — грамотных, трудоспособных и социабельных, живущих до начала девяностых годов в условиях относительно достатка.⁴

В нашем обществе описанные локальные особенности наложились на особенности, сформированные фактором глобальной несправедливости и неустойчивым мировым развитием: идет процесс формирования прекариата — социального класса исключенных из общества. Новый класс вне отношений работодатель — наемный работник, он состоит из людей, работающих на себя, не доверяющих капиталу и государству, имеющих «урезанный статус». Образ мыслей этих людей не однороден, но все они отвергают нормы старого мира, их мировоззрению характерен «статусный диссонанс», ощущение патологической нестабильности в жизни. Это приводит к их противопо-

¹ Балабанова Е. С., Балабанов А. С. Процессы накопления преимуществ и углубление депривации: к постановке исследовательской проблемы // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 73—74.

² Ишмуратова В. Г. Структурно-логическая причинно-следственная модель механизмов и инструментов борьбы с бедностью в условиях трансформационной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 10 (264). Вып. 38: Экономика. С. 43—52.

³ Балабанова Е. С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? // Экономическая социология. 2002. Т. 3. С. 70—77.

⁴ Зубкевич Л. А. Советское и постсоветское в мировоззрении российских бедных // Союз Советских Социалистических республик как историко-культурный феномен: материалы Всероссийской научной конференции. 17 ноября 2021 года. Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина», 2021. С. 45—51.

ставленности всему обществу в целом, к осознанию себя отчужденными, лишними людьми, это приводит к нигилизму, бесконтрольности, аморальности, восприятию своей исключенности как новой ценности, свободы самореализации. При нестабильном существовании человек живет сиюминутным, в конце концов, человек отвыкает мыслить в долгосрочной перспективе, страдает долговременная память, которая составляет интеллект, утрачивается способность мышления, человек становится зависим от мнения других. В таких условиях жизни возникает необходимость быстро реагировать на сигналы опасности и на информацию о новых возможностях, при когнитивном расстройстве это приводит к доминанте инстинктивного поведения. Этот регресс сознания приводит к неспособности человека к оценке информации¹ [10, с. 20—41].

Наряду с ликвидацией объективных причин появления террористической идеологии приоритетным направлением государственной политики в области противодействия терроризму должно стать формирование антитеррористического мировоззрения населения России, в котором идее глобальной несправедливости противопоставляется идея равенства людей, единой судьбы человечества; неустойчивости развития обществ, бедности — устойчивое развитие общества, переориентация сознания от безудержного роста прибыли и рынка к росту благосостояния граждан и гармоничному развитию общества; утрата мировоззренческих оснований должна быть восполнена опорой на идеи единства человечества при сохранении его многообразия и гуманистические ценности.

В настоящее время в нашем государстве деятельность ориентирована на вышеуказанное направление. Разработана Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года, в соответствии с которой общегосударственная система противодействия терроризму призвана обеспечить проведение единой государственной политики в данной области и направлена на защиту основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации². Составлен Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации, выполнение которого позволило сформировать законодательные и организационные механизмы противодействия идеологии терроризма³.

Во исполнение второго раздела Комплексного плана «Меры по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания» в Нижегородской области реализуются профилактические меры, направленные на недопущение радикализации населения, распространения идеологии терроризма и вовлечения мигрантов в деятельность международных террористических организаций. В связи с тем, что состав населения г. Нижнего Новгорода является многонациональным и многоконфессиональным, Администрацией осуществляется взаимодействие с представителями 13 национально-культурных, 10 автономий и 7 религиозных организаций. Взаимодействие осуществляется в основном в рамках работы Межконфессионального консультативного совета и рабочей группы по межнациональным отношениям.

Организована разъяснительно-профилактическая работа с разными социальными группами населения: среди мигрантов, учащейся молодежи и студентов. В ходе проводимых мероприятий обсуждались вопросы взаимодействия в сфере профилактики терроризма; недопустимости распространения идей межнациональной нетерпимости, идеологии радикального ислама и терроризма; разъяснялись нормы законодательства Российской Федерации, устанавливающие ответственность за участие и содействие террористической деятельности. На базе образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования Нижегородской области проводятся воспитательные и культурно-просветительские мероприятия, направленные на развитие у детей и молодежи неприятия идеологии терроризма и привитие им традиционных российских духовно-нравственных ценностей (круглый стол «Толерантность и возрождение духовности»; дискуссии «Жизнь дана на добрые дела»; тематические классные часы; игры-диалоги «Дела человека красят», «Права и обязанности», и многие другие мероприятия). На территории Нижегородской

¹ Стэндинг Гай. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 20—41.

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утвержден Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/ukazy-prezidenta/koncepciya-protivodeystviya-terrorizmu-v.html> (дата обращения: 14.02.2022).

³ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы: утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665). URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения: 14.02.2022).

области уделяется особое внимание вопросам организации и проведения мероприятий, посвященных Дню солидарности в борьбе с терроризмом (3 сентября). В целом к данной работе активно привлекаются СМИ Нижегородской области, используются возможности социальных сетей.

Однако, с нашей точки зрения, несмотря на значительный объем проводимой работы, деятельность по формированию антитеррористического мировоззрения населения требует совершенствования, так как центральной идеей всех мероприятий становится формула «терроризм это плохо». При отрицании идеологии терроризма мы должны предлагать альтернативное антитеррористическое мировоззрение, которое опирается на идеи гуманизма, экологичности, равенства и единства судьбы народов, сохранения исторической памяти, патриотизма. Эти идеи должны реализовываться посредством различных мероприятий по воспитанию подрастающего поколения, повышению образовательного уровня общества в целом, изучению культуры и истории посредством просветительской деятельности с использованием проектного подхода, ориентированного на сплочение конкретных коллективов.

Направленность антитеррористического мировоззрения населения должна быть как «на себя» (интериоризация), где целью становится саморазвитие на основе принципов экологичности, профессионализма, ориентации на гармоничное развитие личности, устойчивое развитие, тем самым обозначая ее гуманистическое, ценностное измерение, так и «от себя» (экстериоризация), где каждый (личность, коллектив, социальный институт) позиционирует себя как равноправного участника общественной жизни. Тогда основной идеей проектной деятельности становится служение, а критерий успешности — «социальная отдача». Данная направленность осуществима посредством такой деятельности, как волонтерство, патриотическое воспитание, пропаганда здорового образа жизни и создание условий для него. Важнейшим условием развития культуры человека является творчество, так как оно есть природная потребность человека преобразовывать окружающую его действительность так, чтобы быть счастливым.

Следующее направление, формирующее антитеррористическое мировоззрение — социальная адаптация и социальная защита. Ее целью является создание условий для успешной социальной интеграции и эффективной реализации потенциальных возможностей людей, нуждающихся в особой заботе государства, обеспечении профилактики социальной депривации и дифференциации. Для этого необходимо более активное вовлечение государственных и муниципальных служащих в работу общероссийской системы социализации людей, нуждающейся в особой заботе государства, в том числе по вопросам профориентации, трудоустройства, психологической поддержки и прочего, посредством внедрения информационных сервисов, аккумулирующих эффективные методики социализации, участие в реализации мероприятий по формированию правовых, культурных и нравственных ценностей, распространение эффективных форм участия людей, нуждающихся в особой заботе государства в общественной жизни, методическое обеспечение процесса социализации людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, развитие и популяризация идей толерантности. Не менее важна деятельность по поддержке молодых семей, формированию традиционных семейных ценностей, осознанного родительства, укреплению молодой семьи, оказанию помощи в кризисных ситуациях.

В деятельности по формированию антитеррористического мировоззрения людей необходимо активно формировать ориентацию общества на гармоничное развитие личности и устойчивое развитие. Прогрессивной основой нового мировоззрения общества станет формирование нового экологического мировоззрения, внедрение гуманитарных технологий.

Включенность человека в жизнь общества обеспечивают прежде всего общественные организации, поэтому с целью формирования антитеррористического мировоззрения необходимо взаимодействие государственных и муниципальных служащих с общественными организациями и движениями. Особенно необходимо развитие институтов молодежных и детских общественных объединений и институтов лидерства, разработка и внедрение инструментов развития общественных объединений, поиск и тиражирование лучших практик в области развития институтов общественных организаций, стимулирование деятельности молодежных и детских общественных объединений. Важно обеспечить возможность взаимодействия с представителями общественных организаций молодежи других регионов России и других стран, знакомство молодежи с историческим наследием, культурой и обычаями других регионов и государств, поддержка участия молодежи в мероприятиях молодежных объединений, общественных организаций, работе межрегиональных и международных форумов, конференций и фестивалей.

Закунов Юрий Александрович,

кандидат философских наук, доцент, руководи-
тель отдела наследования культуры Российского
НИИ культурного и природного наследия имени
Д. С. Лихачева

Правовые и ценностно-цивилизационные аспекты наследования традиционного народного искусства России

В Год культурного наследия народов России состоялась Всероссийская научная конференция «Традиционная художественная культура народов России в контексте цивилизационной идентичности»¹, проблематика которой касалась сочетаний этнокультурного многообразия искусства, цивилизационной идентичности и национального единства, традиции и современности в народном искусстве, понимания сакральности духовно-эстетических смыслов в народном творчестве как источнике наследования исторической памяти и преемственности поколений, выявления способов актуализации традиционной народной художественной культуры в современных практиках по противодействию угрозам культурному суверенитету России. Все это имело прямой выход на философско-правовые аспекты государственной культурной политики и социальной регуляции духовной сферы, связанные со статусом традиционного народного искусства как важнейшего критерия культурной самоидентичности и суверенитета народа, наконец, с задачей изменения ведомственной принадлежности данной сферы деятельности, в частности, народных художественных промыслов, самого их названия.

Культурная сфера специфична и требует особых механизмов регуляции, которые находят выражение в базовых документах стратегического планирования последнего времени². Сложность нахождения баланса между формально-правовыми инструментами и духовно-нравственными механизмами регуляции национального самосознания очевидна и требует дальнейшей конкретизации. Следует отметить две основные проблемные линии и доминантные силы развития культуры народов России, которые должны отражаться в правовом поле их регуляции. С одной стороны, это историко-культурная составляющая, в которой выражаются национальное своеобразие и идентичность, закрепляемые в традициях, произведениях и образах искусства, быте народов (что связано с этно-культурным богатством и многообразием России), а с другой стороны, это духовно-нравственные силы, имеющие общую идеократическую спланированную природу, живущие в общенациональных символах и вечных смыслах, которые придают цельность творчеству в осуществлении Истины, Красоты и Добра (выражают цивилизационное единство народов в их стремлении к абсолютным ценностям, Совершенству). Процесс наследования культуры как ценностей эффективен тогда, когда осуществляется в яркой художественной форме, имеющей не формальную целерациональную, а спланированную образно-символическую природу. В таких общенациональных и всемирных символах нуждается народ, позиционирующий себя в логике своей национальной истории и пространстве всего человечества.

Вот почему в принятой резолюции конференции было заявлено о необходимости принятия решительных государственных мер по закреплению за народными художественными промыслами (далее — НХП) статуса феномена духовной культуры, неотъемлемого от традиционного художественного творчества народов России. Как феномен культуры и искусства НХП не могут быть отнесены ни к сфере сугубо промышленно-коммерческой (сфера ведения Минпромторга), ни к сфере современных творческих (креативных) индустрий, по своей динамичной природе развивающихся вне народных традиций. Традиционная художественная культура как ядро цивилизационной идентичности России, признак ее самобытности и культурного суверенитета, требует

¹ См. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тез. докл. участ. VIII междунар. науч. форума (Краснодар, 22—25 сентября 2022 г.). Москва: Институт Наследия, 2022. 220 с.

² См.: Основы государственной культурной политики: указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808; ред. от 25 января 2023 года; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, ст. 93.

сохранения и воспроизводства в цепи новых поколений. Обладая мощной духовно-эстетической и моральной силой, она содержит ценностные ориентиры развития классических искусств, служит мерилom качества новых элементов традиции. Опираясь на мнение экспертного и профессионального сообщества, важно закрепить статус традиционного народного искусства на высшем законодательном уровне — в соответствующих подзаконных актах. Современная культурная политика нуждается в разработке Государственной стратегии по комплексной его защите в едином межведомственном управлении на основе ценностно-цивилизационного подхода и традиционных духовно-нравственных ценностей, которые гармонично объединили бы традицию и инновацию, институционально-правовые аспекты нации, религии, искусства, образования, науки, производства, бизнеса и гражданского общества. Это согласуется с самой конечной целью права, ориентируемой в направлениях отечественной традиции права религиозными установками и идеалами (например, И. А. Ильин)¹.

Анализ ситуации, связанной с сохранением национального культурного наследия и в данном случае традиционного народного искусства, в частности НХП, требует проведения более целостной и последовательной государственной культурной политики, преодоления сугубо рыночного подхода, изменения в правовом поле названия самого объекта сохранения и развития. Дело в том, что народное искусство, с одной стороны, после падения запрета на религию восстанавливается в своих исконно заданных началах, в духовных ценностях непреходящего значения. Понятие «народное искусство», живущее в веках, меняясь в социальной основе, сохраняется в своих эстетических категориях как духовная культура. На первоначальном этапе главной функцией НХП была хозяйственно-утилитарная, связанная с удовлетворением повседневных нужд (отсюда название — промыслы), также праздничная, но после замены ручного труда современная эпоха выявляет заложенные в НХП более глубокие духовно-нравственные, эстетические и воспитательные задачи, функцию народного искусства — быть носителем цивилизационного кода России, предметно-образным чувственным выражением чаяний народной души о Совершенном, удержания ее от безнравственности, антиэстетизма, унификации.

Сейчас законы рынка, коммерциализация, наступление креативных индустрий и дизайна в угоду конъюнктуре угрожают разрушить традицию НХП, приводят к их дисфункциям, прагматизму, усугубляемые отнесением НХП к сфере промышленности, регулируемой непрофессионалами в сфере искусства. В итоге это приводит к ущербу традиции, безвкусице и пошлости, отказу от самобытности и природной красоты, девальвации всемирно известных брендов НХП.

Таким образом, назрела необходимость утвердить именно в правовом поле особое место НХП и народного искусства как части духовной культуры и культурного кода цивилизации. Для этого предлагается предпринять следующие шаги:

- ввести в нормативные документы новое понятие «народное искусство традиционных промыслов» (сокращенно — НИТП) взамен понятия «Народные художественные промыслы» (сокращенно — НХП);
- передать полномочия по управлению сферой НХП (в последующем — НИТП) Министерству культуры РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, образовав Научный центр управления традиционными промыслами — в Москве и с филиалами на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке;
- принять Стратегию сохранения и развития НИТП, закрепляющую верные цели, задачи и понятия НИТП, для разработки которой привлечь специалистов в сфере наследования культуры и художников-профессионалов;
- исключить НХП из числа креативных (творческих) индустрий;
- на всех уровнях образования ввести просвещение детей и молодежи по темам «Народное искусство России» и «Народное искусство традиционных промыслов», нацеленные на формирование эстетической культуры потребления, усвоение народных традиций, понимание красоты, своеобразия изделий традиционного народного искусства и ценности ручного труда;
- вести пропаганду НИТП, обеспечивая необходимыми ресурсами художественные музеи и выставочные залы для постоянного экспонирования произведений народных мастеров;
- создать заново систему профессионального образования, передачи знаний и опыта, института мастерства и ученичества в сфере Народного искусства;

¹ См.: Треушников И. А. Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 227.

— обеспечить правовую базу для максимальной материальной поддержки, предоставления субсидий и льгот составляющим основу НХП (в последующем — НИТП) — организованным предприятиям и легализованным ИП, получившим положительное решение Художественно-экспертного совета по НХП субъекта Российской Федерации.

Данные идеи и предложения согласуются с общей линией нормативно-правовой базы проводимой ныне государственной культурной политики, нацеленной на создание баланса между свободой творчества и традиционными ценностями¹. Особенно это важно в ходе идущей подготовки федерального «Закона о культуре», где государственно-правовой механизм выполняет функцию защитника традиции и одновременно стимула для развития и приумножения культурного наследия, опираясь на саморегулируемые профессиональные творческие сообщества.

Кислухин Александр Александрович,

начальник отделения УВМ ГУ МВД России по Нижегородской области, аспирант Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Правовая идеология и технологизация общественных отношений

В теории и философии права правовая идеология представлена в качестве рационального уровня структуры правосознания². При рассмотрении нашей темы категорию «идеология» считаем значимым связать, прежде всего, с определенной совокупностью идей. А сами по себе идеи — это не всегда рациональные объекты. По этой причине, переводя правовую идеологию на рациональный уровень правосознания мы отделяем иррациональные характеристики правовой идеологии. А значит категория «рациональный уровень правосознания» имеет самостоятельное значение и в полном объеме содержание правовой идеологии не раскрывает.

Другой подход к пониманию правовой идеологии предполагает, что ее составляет, прежде всего, система правовых ценностей. В данном случае выделяется только один элемент правовой идеологии, характеризующийся в качестве выражения сущности всего рассматриваемого объекта. При этом из системы правовой идеологии исключаются иные образующие ее элементы.

В работах некоторых авторов (к примеру, О. Э. Лейста) под правовой идеологией понимают идейное выражение интересов политически и экономически активных групп общества³. При таком подходе правовая идеология представляет собой систему идей, которые являются формой отражения определенных социальных интересов. К тому же некоторые исследователи отмечают искусственный и конструируемый характер правовой идеологии, а это означает, что система составных частей ее идейных целей должна способствовать сочетанию и взаимоограничению интересов некоторых социальных групп, а не создавать идеологическое преимущество какой-то из них⁴.

Негативно оценивающие роль идеологии авторы говорят о том, что она представляет собой явное искажение реальности в угоду интересам правящих элит, их стремлению к сохранению своей политической власти над обществом.⁵ При этом отмечается, что правда или ложь идеологии не характеризует сущность этого явления как такого, но говорит о качественном ее состоянии.

В ряде научных работ правовая идеология связывается с функцией ориентации правовой политики государства⁶. На наш взгляд, этот подход представляется узким и не может полностью

¹ См.: Перспективы реализации государственной культурной политики: правовые основы, сферы, институциональные решения: экспертный доклад / Волобуев С. Г. [и др.]. Москва: Институт Наследия, 2022.

² Тарасов Н. Н. Юридический позитивизм и позитивистская юриспруденция (апология догмы права) // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 9.

³ История политических и правовых учений. учебник для вузов / под ред. О. Э. Лейста. Москва: Изд-во «Зерцало77», 2006. С. 58.

⁴ Васильев А. А. Социальная ценность и актуальность российской консервативной правовой идеологии // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 113.

⁵ Хорунжий С. Н. Конституционная идеология как элемент правовой среды // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 103. С. 3.

⁶ См., напр.: Орлов В. Г. Особенности общественно-научного и юридического познания // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 9.

охарактеризовать сущность правовой идеологии, так как по сути говорит не об идеологических, а о программных установках государственной политики.

Рассмотренные нами подходы, показывают существенное разнообразие представлений ученых о правовой идеологии и ее роли в жизни общества. При этом изучение этих подходов дает право говорить о том, что отражают они не природу правовой идеологии, а отдельные ее характерные черты, требующие системного рассмотрения для осознания действительной природы данного явления.

На наш взгляд, сущность явления невозможно определить, опираясь только на несколько его характеристик. Их следует рассматривать в комплексе, так как правовая идеология есть комплексное явление. В целом, только с учетом разнообразия научных подходов, выявленных в них сущностных оснований правовой идеологии можно сформировать цельный образ данного феномена. Научные подходы к исследованию правовой идеологии позволили выделить нам ряд наиболее характерных для нее черт и особенностей, позволяющих анализировать ее современное состояние.

Во-первых, правовая идеология опирается на политико-правовые идеалы той или иной социальной группы. Идеалы позволяют правовой идеологии связать интересы социума с политикой государства и юридическим правом. Через правовые идеи как элементы правовой идеологии, тип нормативного регулирования, используемый государством, позиционируется как единственно возможный или наиболее приемлемый. В правовой идеологии отражены и общие социальные принципы справедливости и порядка, свободы и ответственности, которые должны отражаться правом.

Очевидно, что в структуре правовой идеологии находят место определенные социальные интересы. На первый взгляд, через идейно-ценностные ориентиры правовой идеологии представляются важнейшие приоритеты различных общественных сил: их отношение к частной собственности, личной свободе гражданина, понимание общественного блага, справедливости, необходимого правопорядка. С другой стороны, правовая идеология предполагает в рамках поиска общественного согласия формирование новых направлений и приоритетов социально-правового развития, взаимодействия интересов политически господствующего в обществе класса и политико-правовых потребностей всего гражданского общества.

Таким образом, можно говорить о том, что правовая идеология — это особая форма существования идеологической среды общества, в которой обнаруживают свое единство интересы государства, гражданского общества и личности.

В современном обществе оживленно преобразуются как политические структуры, так и наше мышление, перестраивается и идеологическая сфера общества. Условием этого является развитие информационных коммуникаций, их технологизация и цифровизация. На смену традиционным идеологическим средствам воздействия на общественное сознание приходят технические средства управления мнениями и настроениями людей. Новые «технические» ресурсы не предполагают какой-то сложной системы ценностей и направлены на упрощение массового сознания и мышления¹.

В современном обществе идеология в традиционном ее понимании отдает место «технологической» легитимации власти, государства и права через использование особых способов воздействия на сознание людей. Так, в идеологической практике общественных отношений сформировался феномен «политических технологий».

Технологии помогают власти в современном государстве легко воспринимать критику по отношению к себе и подпитываться результатами критического осмысления ее действий. Система рекрутирования и постоянного обновления обеспечивает при этом обычную легитимацию и персонифицированность моральной ответственности власти. В общественном сознании при этом укрепляется мысль, что все государственные и правовые институты нуждаются в постоянных положительных изменениях. Власть акцентирует внимание населения на социальных недугах и обещает их «вылечить» посредством известных ей технологических процедур.

«Деидеологизированность» современных обществ и государств определяется даже выражением этого в их конституционном законодательстве. Именно право или точнее правовую идеологию использует власть, переставшая себя легитимировать через традиционную идеологию. С помощью правовой идеологии власть легитимизирует не себя, а сам порядок власти как тако-

---

¹ Клименко А. И. Правовая идеология в контексте пространственно-временных характеристик современного общества // Пространство и время. 2012. № 4. С. 37.

вой, — «священный» и «правильный». При этом именно в современном «деидеологизированном» обществе на передний план выходит задача консолидации общества на основе системы идей, принципов и ценностей, выступающей в роли идеологии и опирающейся на научный фундамент понимания прошлого, настоящего и будущего страны. Вариантом такой системы является правовая идеология, как самостоятельный феномен и элемент в системе социализации каждого нового поколения граждан.

Горбачев Владимир Викторович,

кандидат педагогических наук;

Майорова Светлана Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель
начальника кафедры административной деятель-
ности ОВД Нижегородской академии МВД России

Воспитательный потенциал юридического образования для реализации правовой идеологии Российского государства

История ведомственных образовательных учреждений высшего образования в России имеет многовековую историю. Задолго до судьбоносных для нашего государства событий 1917 года российская система высших учебных заведений включала в себя не только классические университеты, но и специализированные военные, юридические, горные и прочие образовательные организации. Между тем, как отмечает Л. И. Беляева, образовательных организаций высшего образования, в приоритетном порядке готовивших кадры для МВД Российской Империи и Департамента полиции в Империи не было¹.

Пришедшая к власти в России в ноябре 1917 года не только в приоритетном порядке создает рабоче-крестьянскую милицию, взамен распущенной Временным правительством полиции и так и до конца не сформированной народной милиции, но и в полной мере осознает, что для поддержания правопорядка в стране, организации борьбы с преступностью необходимы высококвалифицированные милицейские кадры. В Советском государстве постепенно складывается система образовательных учреждений высшего образования, готовящих кадры для народного комиссариата внутренних дел. Немаловажной составляющей образовательного процесса в таковых выступала комплексная воспитательная работа, предусматривавшая не только верность идеалам ВКП(б), но и беззаветную преданность Родине, чувство патриотизма.

Уход в небытие Советского Союза, становление и развитие Российской Федерации, значительное, по сравнению с СССР, сокращение числа вузов Министерства внутренних дел не привело к полной ликвидации правоохранительной системы вузов. Более того, в вузах системы МВД России осталась на достаточно высоком уровне воспитательно-патриотическая составляющая образовательного воздействия на обучающихся. Несмотря на активно навязываемую «коллективным Западом» и внедренную Минобрнауки Российской Федерации политику «оказания государственных образовательных услуг» ведомственные правоохранительные вузы МВД России не отказались от исполнения многолетне реализуемой образовательной задачи — формирования всесторонне образованной, владеющей комплексными юридическими знаниями, воспитанной и патриотически настроенной личности своих выпускников.

В течение новейшего этапа функционирования системы образовательных организаций системы МВД России руководством Министерства была решена задача создания полноценной системы непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел. Частично она копирует систему Императорских военных образовательных учреждений и систему образовательных организаций МО Российской Федерации и представляет собой трехзвенную иерархически выстроенную конструкцию. На первом этапе азы юридических знаний и базовые начала правовой культуры и осознанного патриотизма закладываются у обучающихся в суворовских военных училищах МВД России, второй уровень — вузы Министерства внутренних дел, реализующие основные профессиональные образовательные программы среднего профессионального и высшего образования. Именно

¹ Беляева Л. И. Организация и методика распространения профессиональных знаний среди чинов полиции Российской империи // Проблемы преподавания и изучения истории государства и права, органов внутренних дел России: материалы конференции. Москва: Академия управления МВД России, 2000. С. 32.

в данных образовательных организациях осуществляется полнообъемная реализация воспитательных возможностей, потенциала профессионального юридического образования, служащего основой для реализации личным составом такого правоохранительного федерального органа исполнительной власти как МВД России правовой идеологии отечественного государства. Третьим элементом системы воспитательно-обучающих (образовательных) организаций МВД России выступают специализированные образовательные организации повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, которые, как отмечают Б. А. Федулов и Д. О. Заречнев, позволяют, в соответствии с требованиями Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, поддерживать на необходимом уровне не только юридические знания и профессиональные компетенции сотрудников ОВД, но и возможность реализовывать в своей правоохранительной деятельности государственную правовую идеологию².

Рассуждая о содержательной стороне правовой идеологии российского государства, Л. В. Карнаушенко выдвигает тезис, что таковая является интегральной составляющей системно организованного социального механизма, предназначением которого выступает деятельность по управлению социально-правовой областью общества и государства³.

Достаточный интерес представляют воззрения А. И. Клименко относительно возможности и необходимости наличия и совершенствования в Российской Федерации правовой идеологии. С позиций данного автора отечественное право не переставая выражать и защищать идеологию правящего класса, доминирующей политической силы, одновременно с ростом своей значимости постепенно само приобретает признаки идеологии⁴. Во многом соглашаясь с данной мыслью, мы обращаем свое внимание на Основной Закон Российской Федерации, который, с одной стороны, в части 1 статьи 1 закрепляет статус России как правового государства, а с другой — в части 1 статьи 13, закрепляя признание государством идеологического многообразия, в части 2 этой же статьи устанавливает запрет на фиксацию любой идеологии «в качестве государственной или обязательной»⁵. Воспринимая как аксиому идею того, что всякая идеология имеет под собой определенное основание, мы считаем необходимым постановку вопроса о том, что же выступает базой правовой идеологии российского государства.

Как полагает А. М. Михайлов, в качестве базового основания для правовой идеологии выступает определенная правовая действительность, в качестве составных элементов которой он называет «правовые идеи, нормы и отношения»⁶.

Говоря о воспитательном потенциале юридического образования, получаемого сотрудниками органов внутренних дел в образовательных организациях высшего образования МВД России, необходимым для полнообъемной реализации правовой идеологии российского государства, мы считаем необходимым отметить правовую позицию А. Ф. Байкова. Указанный автор, признавая нормы права в качестве базовой составляющей российской правовой идеологии, отстаивал мнение, что отличительной чертой именно отечественной правовой идеологии являются ее выраженная моральность, и преобладание в ней нравственных начал. «Российская правовая ментальность нацелена не на исполнение содержания нормы как таковой, а на ее моральную наполняемость»⁷, — утверждает А. Ф. Байков.

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ч. 1, ст. 7020.

² Федулов Б. А., Заречнев Д. О. Совершенствование процесса повышения квалификации сотрудников полиции на базе образовательных организаций МВД России // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 33.

³ Карнаушенко Л. В. Правовая идеология и ее информационное обеспечение в современной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 76.

⁴ Клименко А. И. Моральная природа и обусловленные ею функции правовой идеологии // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 28.

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 года, № 0001202210060013.

⁶ Михайлов А. М. Михайлов А. М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. № 3. С. 361.

⁷ Байков А. Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 39.

Наличие твердых юридических знаний, высокого уровня общей воспитанности, понимание, осознание, способность грамотно и обоснованно защищать и продвигать базовые основы государственной правовой идеологии значительно повышает кадровый потенциал выпускника вуза системы МВД России в сравнении с лицами, окончившими «гражданские» образовательные организации высшего образования. Последующая реализация модели непрерывного образования сотрудника ОВД (полиции) дает правоохранителю возможность не только на систематической основе актуализировать свои познания в юриспруденции, повышать свой воспитательный потенциал, но и совершенствовать свои компетенции по реализации правовой идеологии российского государства.

В завершении считаем необходимым отметить, что юридическое образование, получаемое сотрудником ОВД (полиции) в процессе освоения ОПОП в образовательных организациях высшего образования МВД России, выступает воспитательным фундаментом его практической правоохранительной деятельности. Весь потенциал воспитательной составляющей образовательной деятельности вуза МВД России в приоритетном порядке направлен не только на формирование всесторонне развитой, юридически грамотной личности представителя правоохранительных сил Российской Федерации, но и на привитие обучающимся верного, грамотного понимания правовой идеологии российского государства, позволяющего в полном объеме ее реализовывать в своей повседневной оперативно-служебной деятельности по охране правопорядка и противодействию преступности в любом из субъектов России, в каждом районе и муниципальном образовании.

Строков Алексей Александрович,

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Целостный идеал современного юридического образования

Смена парадигмы современного высшего юридического образования с поиском целостного идеала — это необратимая реакция на внешние и внутренние кризисные проявления, которые преодолевает национальная образовательная система России.

Для выявления сложившихся противоречий, особое внимание заслуживают внешние дестабилизирующие факторы, скрывающиеся в глобализационных процессах, продвигаемых идеологами Болонской системы высшего двухуровневого образования в России. Шаблонность, унификация, стандартизация обучения неминуемо привели к разрыву с российской духовной национальной идеей, ее истощением и, как следствие: «Не в особенной притягательной силе этих низин следует видеть причину этого падения, но в слабости крыльев, которые не могут поднять над ними душу. Пора, в самом деле, предположить, что эти крылья, искусственно сделанные, искусственно же и прикреплены, а вовсе не выросли из души; и поэтому именно никуда, ни от какой опасности не могут уносить ее»¹. Пророческие слова российского мыслителя В. В. Розанова можно рассматривать с его же позиции «открывшейся колбы», которая впитывает в себя инородный культурно-образовательный код.

Отметим, что образовательная политика Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в ближайшие годы будет направлена на перестроение образовательной концепции, предложенной Болонской системой², для отечественного высшего образования в части переосмысления, навязанного ей ложного чувства конформизма.

Нам думается, что необходимо подойти к анализу раскрываемой проблемы через диалектическую формулу, в основе которой находится современный человек, нуждающийся в целостных и обоснованных культурных национальных установках и в выверенных базовых элементах этического поведения находящих свое сопряжение в образовании.

Образование — это единый и неразрывный процесс, определяющий развитие не только когнитивных функций человека, но и его духовной компоненты — культуры. Оно всегда выступало

¹ Розанов В. В. Сумерки просвещения. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sumerki_prosvechenia.html (дата обращения: 31.10.2022).

² Минобрнауки заявило о разработке в Российской Федерации своей системы образования. URL: <https://iz.ru/1339382/2022-05-24/minobrnauki-zaiavilo-o-razrabotke-v-rf-svoei-sistemy-obrazovaniia> (дата обращения: 20.10.2022).

индикатором благополучия общества, а «Целостное образование, обеспечивающее становление человека-созидателя — запрос времени и его реальность»¹. Целое, как ядро в образовании, позволяет определить статус человека, понять его самобытность в этом процессе: «поскольку такая личность, с одной стороны, осознает свою уникальность, самоценность и ценность для общества и мира; с другой — ощущает свое единство со всем, что ее окружает»².

Предназначение идеала как элемента целого раскрывается в возможности осознать: «Неисчерпаемость природы человека, многомерность, многоуровневость и многогранность его сущности»³, сопряжение с идентификацией национального самопознания и уникальностью занимаемого места в исторических мировых процессах. Содержание целостных личностных идеалов, как определяющая форма развития современного человека, должна обрести смысл, в современном юридическом образовании, фокусируясь на том, что «человек реализует себя как личность, лишь развивая духовно-душевную субстанцию»⁴, что определяет его ценностный идеал в духовно-культурных, нравственных атрибутах и лишь потом в ценностях теоретического знания. Иначе знания перестают быть оформленной в мировоззренческую картину для человека и теряют свой продуктивный смысл.

Рассматривая проблему в ключе феноменов, предопределяющих идеалы современного образования, Н. А. Пархоменко замечает: ««Инновации» оказались лишены органичного сопряжения со всем предшествующим педагогическим опытом, с развитием всей философско-педагогической мысли»⁵.

Описанная выше ситуация вскрывает внутреннюю кризисную обстановку в современной образовательной среде и предполагает путь по поиску новых идеалов, с фокусировкой на многообразии комплементарных посылок, связанных с выбором целостного начала развития иной национальной системы высшего юридического образования.

Очень четко, как нам кажется, улавливает традиционную суть национального образования О. Б. Даутова, анализирующая работы Н. А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» и И. А. Ильина «Путь духовного обновления», заключая, что «отечественные мыслители определяют цели образования, исходя из идеала образования. Так, идеалом выступает человек целостный, соответственно, целью образования является достижение этой целостности в себе, через нахождение собственного образа, трансценденцию и выполнение собственного предназначения»⁶.

Правоведы А. В. Мартынов и Ю. Н. Стариков отмечают, что «профессионально подготовленный в высших учебных заведениях юрист-специалист чрезвычайно важен для жизни страны, для ее будущего, для защиты государства и общества»⁷, определяют идеал образовательной системы в связке с нравственными ориентирами патриотического служения обществу и государству.

Продолжая развитие отечественных традиций, мыслитель С. Л. Ивашевский выводит обоснованный алгоритм, в котором «образование обретает смысл и эффективность только в том случае, если своей предельной целью имеет достижение идеала»⁸, а «идеалы не даны личности в готовом

¹ Перетягина Н. Н. Целостное образование — обеспечение приоритета культуры в образовании. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32836/1/kie_2014_16.pdf (дата обращения: 13.10.2022).

² Перетягина Н. Н. Целостное образование — обеспечение приоритета культуры в образовании. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32836/1/kie_2014_16.pdf (дата обращения: 13.10.2022).

³ Остапенко А. А. Антропологическая матрица полноты образования человека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskaya-matritsa-polnoty-obrazovaniya-cheloveka> (дата обращения: 23.10.2022).

⁴ Скуднова Т. Д. Отечественное образование: философско-антропологическая рефлексия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennoe-obrazovanie-filosofsko-antropologicheskaya-refleksiya> (дата обращения: 20.10.2022).

⁵ Пархоменко Н. А. Идеалы современного отечественного образования в диалоге традиций русской культуры и общественных противоречий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealy-sovremennogo-otechestvennogo-obrazovaniya-v-dialoge-traditsiy-russkoy-kultury-i-obschestvennyh-protivorechiy> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ Даутова О. Б. Идеал и цели образования: образованность как культура ответственности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideal-i-tseli-obrazovaniya-obrazovannost-kak-kultura-otvetstvennosti> (дата обращения: 24.10.2022).

⁷ Мартынов А. В., Стариков Ю. Н. Модернизация административного права как учебной дисциплины в условиях реформирования системы высшего профессионального образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 2. С. 10—11.

⁸ Ивашевский С. Л. Идеал образованности как фактор развития правовых норм образования // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3 (8). С. 193.

виде, не приняты ею от общества пассивно, они являются результатом усилий и интеллектуальных достижений»¹, то есть предложенные выше суждения обоснованно предлагают нам рассматривать идеал образования как целостную систему «вращения» позитивных ценностей»², ориентированных на развитие современного человека, где идеалы не навязаны извне, а исторически гармонично сложены и интуитивно понятны каждому.

Поиск идеала — это, безусловно, творческий, сложный процесс, сегодня ставший второстепенным из-за того, что «в постоянном, усиленном стремлении регулировать подробности, в непрекращающихся спорах только о них, о новых комбинациях предметов, о расширении или сужении их объема, о минутах, часах и точных во всем этом отчетах, была опущена общая основа дела»³, сам человек, который сейчас остается формально растерянным, находясь в состоянии нравственной пустоты и культурного замедления.

Целостный идеал, по нашему мнению, не может восприниматься лишь набором компетенций, они являются индикатором качества знаний, предлагаемых образовательной программой, которая на основе этих императивных критериев может сложиться в гносеологическую картину, воспринимаемую обучающимся, через призму подачи информации педагогическим работником, сводя ее к качеству учебного процесса.

В связи с чем целостный идеал в образовательном процессе следует искать в воспитательной функции, раскрывающей себя через формирование мировоззренческой картины будущего юриста в профессиональных (например, честь, долг, достоинство) и общечеловеческих (например, патриотизм, свобода, любовь, дружба) ценностных установках.

Заключаем, что целостный идеал современного юридического образования — это проводник человека в современном мире, оказывающий прямое воздействие на его духовно-душевный мир. Неслучайно в исследовании этот процесс представлен нами как чувственное восприятие, ориентированное на формирование глубинных ценностей будущего специалиста, базирующихся на культурном коде тысячелетней истории нашего народа.

Фирсова Анна Михайловна,

доктор педагогических наук, доцент, профессор
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

Актуальные проблемы высшего юридического образования в «цифровом пространстве»

Цифровой разрыв между разными странами и регионами мира часто называют «глобальным цифровым разрывом». Люди, организации и государства, сегодня не имеющие или получившие ограниченный доступ к цифровым технологиям, лишены значительного преимущества по сравнению с теми, кто имеет такой доступ.

Цифровая трансформация юридического образования включает в себя такие темы, как Концепция цифровой трансформации юридического образования, комплекс целей и задач цифровой трансформации юридического образования, проблемы цифровой трансформации юридического образования, стратегии цифровой трансформации юридического образования, ожидаемые результаты цифровой трансформации юридического образования, платформы и сервисы для управления образовательными процессами⁴.

Что такое цифровая трансформация в современном юридическом образовании? На этот вопрос можно ответить следующим образом: цифровая трансформация образования — это обновление запланированных образовательных результатов, методов образовательной деятельности и

¹ Ивашевский С. Л. «Идеалы и право в системе образования советской России». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealy-i-pravo-v-sisteme-obrazovaniya-sovetskoy-rossii> (дата обращения: 20.10.2022).

² Там же.

³ Розанов В. В. Сумерки просвещения. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sumerki_prosvechenia.html (дата обращения: 31.10.2022).

⁴ Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 2. С. 25—39.

организационных форм, оценка результатов, достигнутых в стремительно развивающейся цифровой среде, и принципиальное улучшение образовательных результатов каждого обучающегося по данному направлению и специальности¹.

Цифровая трансформация, таким образом — это планомерное обновление, то есть — актуализация и модернизация — фундаментальных компонентов образовательного процесса.

Можно предположить, в свете современных условий существования высшего образования в принципе, что цифровая трансформация системы юридического образования включает в себя стратегические действия по следующим направлениям: формирование современной инфраструктуры образовательных учреждений, реализация услуг в сфере образования в электронном виде, реализация функций в сфере образования в электронной форме, современное управление на основе сбора и обработки данных, подготовку кадров к работе в цифровой образовательной среде.

Целями цифровой трансформации юридического образования, исходя из этого, являются:

1. Обеспечение устойчивости образовательного процесса (его независимости от быстро меняющихся внешних условий). Добиться этого можно только путем создания смешанной, «разноформатной» образовательной среды, в которой образовательный процесс может быть быстро переведен из одного формата в другой (без потери качества и ритма обучения).

2. Обновление содержания образовательных программ — требование времени, связанное с бурным технологическим развитием общества и появлением потребности в новых компетенциях выпускников системы высшего юридического образования.

3. Повышение мотивации и вовлеченности обучающихся, что является одним из основных атрибутов современного высшего образования и «краеугольным камнем» любой образовательной программы.

4. Оптимизация времени, затрачиваемого как учениками, так и преподавателями — несомненно, эта цель очевидна².

Актуальными задачами цифровой трансформации высшего юридического образования, таким образом, становятся:

1. Реализация моделей «интеграционного обучения» предполагает создание «мультиформатных» сред, внедрение элементов дистанционного обучения в традиционные системы, поддержка и развитие навыков использования технологий дистанционного обучения. Это важная часть просвещенческо-обучающей деятельности университета.

Смешение форматов работает только при тщательном рассмотрении всех трудностей и проблем этого способа обучения. Выбор того или иного формата должен, в первую очередь, определяться его адекватностью для достижения желаемых результатов обучения.

2. Персонализированное и практико-ориентированное обучение как приоритетное направление подготовки выпускников юридической направленности. Актуальность данной задачи обусловлена, с одной стороны, возрастающей индивидуализацией образовательных потребностей людей (не только молодежи), различиями в мотивации и познавательных способностях, а с другой стороны, использование дистанционных технологий обучения. Широкий спектр возможностей открывается для такой индивидуализации посредством расширения использования всего спектра инструментов цифровой среды.

3. Актуализация инноваций в системе высшего образования. Быстро растущая потребность общества в профессионалах с новыми компетенциями обуславливает необходимость, как упоминалось выше, постоянной (и очень быстрой) модернизации образовательных программ.

В современных реалиях университетская наука не может быть замкнутой системой. Другими словами, системе высшего юридического и не только образования необходимо разработать механизмы эффективной «трансляции и репродукции» знаний.

Итак, актуальные проблемы трансформации в сфере юридического образования могут быть обозначены следующим образом:

1. Новые концепции создания цифровых материалов и авторского права, а также методы создания и распространения образовательной и правовой информации.

2. Влияние цифровизации на юридическую теорию и практику.

---

¹ Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А. Ю. Уваров, Э. [и др.]; под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 30—82.

² Гаврилова Ю. А. Проблема смысла права в цифровом обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 608—628.

3. Содержание основных образовательных программ¹.

Юридическое образование неизбежно будет становиться все более разветвленным и сложно-составным, что создаст невозможность формирования единого стандарта качества юридического образования. Вместе с тем в современную информационно-цифровую эпоху и ускорения динамики конкурентных процессов ценности и цели юридического образования должны быть незыблемы. Лишь благодаря этому постулату можно будет обеспечить востребованность выпускников высших учебных заведений юридических направлений. Таким образом, сегодняшняя образовательная деятельность не может осуществляться без использования цифровых технологий, прикладного программного обеспечения для подготовки учебных материалов и практических заданий, а также цифровых инструментов, которые преподаватели сегодня активно применяют в образовательном процессе.

Цифровые услуги и платформы должны стать общедоступными для всех участников образовательного процесса и гармонично интегрироваться в современное сообщество.

---

¹ Гаврилова Ю. А. Проблема смысла права в цифровом обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 608—628.